

ВЕСТНИК ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Зарегистрирован Северо-Западным окружным межрегиональным территориальным управлением Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Регистрационное свидетельство
ПИ № 2-5094 от 16 марта 2001г.

Учредитель и издатель:

Некоммерческое партнерство
**ЦЕНТР ПОЛИТИЧЕСКИХ
и ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

Главный редактор:

А. М. ЗИМИЧЕВ, д.псих.н.

Редакционный совет:

А. Л. ВАССОЕВИЧ, д.филос.н. –
председатель редакционного совета,

О. С. ДЕЙНЕКА, д.псих.н.,

А. Н. ЖМЫРИКОВ, к.псих.н.
(Нижний Новгород),

В. В. КАЛАШНИКОВ, д.ист.н.,

В. Е. СЕМЁНОВ, д.псих.н.,

А. И. ЮРЬЕВ, д.псих.н.

Редакция:

С. В. ИВАНОВ –
зам. главного редактора,

А. С. ИВАНОВА –
ответственный секретарь,

М. Ф. ЗАКУПЕНЬ –
редактор и корректор.

Адрес редакции:

193060, Санкт-Петербург,
ул. Смольного, 1/3, 9-й подъезд,
тел. (812) 110-36-30;
e-mail: vestnik@ai4646.spb.edu

Все права защищены.

Полное или частичное
воспроизведение допускается
только со ссылкой на «Вестник
политической психологии».

Мнения авторов могут не
совпадать с мнением редакции.

Тираж номера:

1500 экз.

Печать:

ООО «Биль-Бо», Россия

Подписано в печать

18.02.2003

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА..... 2

КРУГЛЫЙ СТОЛ

Предвыборные технологии и психология политической борьбы 3

СОЗНАНИЕ И ПОЛИТИКА

Ракитянский Н. М. О политико-психологическом портретировании 18

Мезенцев Д. Ф. Информационный фантом
свергает Четвертую республику во Франции 24

ЭКОНОМИКА И ПСИХОЛОГИЯ

Дейнека О. С. Наркотическая «культура»
как метод сокращения населения 28

Крамник В. В. «Демон жадности» и мораль: кто кого? 31

ЕСТЬ МНЕНИЕ

Докина И. А. Справедливость
и законность. Судебная реформа. 34

«МЫ» И «ОНИ»

Ребрик В. В. Германия после
выборов: «новый курс» Шрёдера? 36

ПРИЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ

Шопенгауэр А. Эристика, или Искусство спорить 40

ИСТОКИ

Воспитание гражданина
в представлениях К. Д. Ушинского (*Забарин А. В.*)..... 44

ВЕСТНИК выходит при поддержке:

• НИИ Комплексных Социальных Исследований
СПбГУ

• Санкт-Петербургского психологического общества

Тираж распространяется бесплатно по адресной рассылке в Администрацию Президента РФ, Правительство РФ, Совет Федерации, Государственную Думу, губернаторам и председателям Законодательных собраний субъектов РФ, крупным промышленникам, банкирам, предпринимателям Санкт-Петербурга и Ленинградской области, а также по индивидуальной подписке.

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ЗИМИЧЕВ Анатолий Михайлович

*Главный редактор,
доктор психологических наук,
профессор*

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Обращаясь к вам, в первую очередь хочу от имени редакции и редакционного совета «Вестника политической психологии» **выразить искреннюю благодарность** всем откликнувшимся на наши публикации. Мы получили отзывы и от действующих политиков (из Администрации Президента, из Совета Федерации и Государственной Думы, от региональных администраций и законодателей), и от представителей научной общественности: как от отдельных ученых, так и от руководителей многих университетов нашей страны, и даже благословение от викария Санкт-Петербургской Епархии, епископа Тихвинского КОНСТАНТИНА – ректора Санкт-Петербургских Духовной Академии и Семинарии.

Освещая различные аспекты политической жизни современного общества, **наши авторы исследуют психологические механизмы манипуляции информационными потоками**, которые в сравнительно короткие сроки создают запрограммированную идеологическую среду, порождающую или безропотно принимающую заказанные общественно-политические явления и события.

Как **этическую сверхзадачу** мы определили попытку формирования в высших эшелонах законодательной и исполнительной власти политической атмосферы, способной **противостоять влиянию информационных фантомов**.

Именно этой сверхзадаче и были посвящены открытые **Круглые столы**, проведенные «Вестником» в Санкт-Петербургском Государственном университете с участием широкой научной общественности: «Иррациональное и рациональное в Американской трагедии», «Российские элиты на этапе формирования гражданского общества», «Гражданская психология и справедливость». Опубликованные материалы Круглых столов вызвали огромный интерес читателей. Многие из читателей стали постоянными участниками Круглых столов и нашими авторами.

Наряду с Круглыми столами **наиболее популярными стали рубрики** «Сознание и политика», «Экономика и психология», «Истоки». В числе авторов, получивших наибольший отклик у читательской аудитории, – А. Л. Вассоевич, О. С. Дейнека, А. В. Забарин, В. В. Крамник, Д. Ф. Мезенцев, В. Е. Семенов, А. И. Юрьев. Многие материалы

из «Вестника политической психологии» были перепечатаны в различных газетах и журналах, к сожалению, иногда без ссылки на наш журнал.

В текущем, юбилейном для нашего города году, **мы планируем**, сохранив основные рубрики, **акцентировать внимание** на проблемах Гражданской психологии, подвергая анализу различные политические и социальные **процессы, направленные на будущее**, и в первую очередь, в молодежной среде. Нами запланировано провести как минимум три Круглых стола на темы: «Политические и правовые аспекты воспитания гражданина», «Психология молодежной активности и роль СМИ в профилактике асоциального поведения» и «Проблемы культуры поведения (духовный мир современных петербуржцев)».

Безусловно, **мы будем уделять особое внимание** психолого-политическому анализу как экстремальных политических ситуаций, так и актуальных материалов периодической печати, телевидения и иных средств массовой информации.

Будем искренне рады сотрудничеству с вами.

Обратная связь

КРУГЛЫЙ СТОЛ

ПРЕДВЫБОРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ

14 ноября 2002 года редакция и редакционный совет журнала «Вестник политической психологии» провели в Петровском зале Санкт-Петербургского Государственного университета очередное заседание Круглого стола, посвященное психолого-политическому анализу предвыборных технологий и политической борьбы. В работе Круглого стола приняли участие виднейшие политические психологи Санкт-Петербурга, руководители избирательных комиссий Санкт-Петербурга и Ленинградской области, представители городской администрации.

14 ноября 2002 года. А. Л. Вассоевич открывает работу Круглого стола.

ВЕДУЩИЙ КРУГЛОГО СТОЛА, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА «ВЕСТНИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ», ПРОФЕССОР КАФЕДРЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ СПбГУ, ДОКТОР ФИЛОСОФСКИХ НАУК А. Л. ВАССОЕВИЧ:

Наш сегодняшний Круглый стол посвящен теме «Предвыборные технологии и психология политической борьбы». Конечно, ни для кого из присутствующих не секрет, какая жесткая политическая борьба разворачивается сейчас в нашей стране, в Северо-Западном регионе, потому что грядут выборы в Законодательное собрание Санкт-Петербурга.

Сейчас мы становимся свидетелями очень интересных явлений: с одной стороны, в электронных средствах массовой информации уже наблюдается явное оживление, связанное с предвыборной кампанией, и в то же время прослеживается глубочайшая апатия, глубочайшее безразличие основной массы жителей Петербурга по отношению ко всему, что связано с выборами. Люди в большинстве своем утратили веру в тех, кто стремится занять почтенные места в Мариинском дворце.

Естественно, такая психологическая реакция населения будет провоцировать более активную игру со стороны претендентов. Теперь они будут усердно «тонизировать» народ, чтобы вырвать его из «спячки». И, соответственно, методы психолого-политической борьбы станут более разнообразными: в ход пойдут средства более действенные, эмоционально возбуждающие народ. В противном случае люди просто не захотят идти на избирательные участки. Тут их нужно хорошенько «встряхнуть», чтобы они все-таки на выборы пошли, пусть даже для того, чтобы голосовать против всех.

Это непростая задача и, наверное, вполне закономерно, если я предоставлю сейчас слово Анатолию Михайловичу Зимичеву – автору замечательной книги «Психология политической борьбы», полагая, что он сможет сообщить нам много важного для понимания нынешней предвыборной ситуации.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР «ВЕСТНИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ», ПРОФЕССОР, ДОКТОР ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ НАУК А. М. ЗИМИЧЕВ:

Спасибо большое за предоставленное слово.

Я не планировал большого выступления на тему психологии борьбы, в том числе политической борьбы. Но в связи с заявленной темой сегодняшней дискуссии позвольте несколько слов сказать о том, как я понимаю выборы и как можно здесь рассматривать технологию борьбы с этой точки зрения, то есть с точки зрения выигрыша не во имя истины, а просто во имя победы.

Когда-то давно еще молодой Артур Шопенгауэр написал небольшую брошюрку, которую при жизни он не издал, называлась она «Эристика, или Искусство спорить». В этой брошюрке собрано 35 уловок, позволяющих, не вникая в суть той или иной проблемы, выиграть любую публичную дискуссию, будь то письменное сообщение в виде проблемной или критической статьи, либо публичное выступление. Эффективность этих уловок проверена годами, они работают и по сей день.

Когда я просил аспирантов, студентов проанализировать в предвыборных кампаниях обещания многих кандидатов, будущих наших депутатов, мы сталкивались с тем, что они оперируют часто не

14 ноября 2002 года. Выступает А. М. Зимичев.

теми категориями, которые могут быть потом им предъявлены как заявленные программы, заявленные конкретные цели. Все они – на уровне софистических суждений. Софизм в их обещаниях, в принципе, сводился к почти таким же формам, как и логические конструкции, но это были силлогизмы. Отсюда возникали совершенно неочевидные перспективы их деятельности после избрания.

Вы знаете, что простой силлогизм относительно легко отличить от истинного суждения. Если я, например, говорю, что воровство – это риск, а мы из поговорки с детства знаем, что риск, якобы, – благородное дело, то здесь можно провести параллель между воровством и благородным делом и заявить, что воровство – это благородное дело. Или: «все люди смертны, Александр Сергеевич Пушкин бессмертен, поэтому Александр Сергеевич Пушкин просто не человек». Подобные суждения мы часто встречаем в выступлениях будущих избранных.

К сожалению, тема, которая поднята и уже фактически обсуждается в «Вестнике политической психологии» на протяжении всех Круглых столов, то есть тема, связанная с проблемой гражданина, у нас до сих пор не нашла еще достаточно серьезного практического рассмотрения. В принципе, ведь **никто из нас сегодня не имеет серьезных критериев оценки вообще гражданина: какой гражданин лучше, какой хуже.** А уж тот гражданин, которого избирают в депутаты нашего Законодательного собрания, тем паче должен соответствовать каким-то критериям.

Если я вам предложу выбрать Иванова, Петрова или Сидорова, вы, естественно, попросите дополнительную информацию. Если я скажу, что один из них пожилой, то пожилая часть электората выберет пожилого. Если я скажу, что он молодой, то, скорее всего, его выберут молодые. Если я скажу, что из трех кандидатов, которые избираются в Петербурге, двое москвичей и один петербуржец, то, наверное, для всех очевидно, кого выберут. Объективные критерии отсутствуют и в предвыборной кампании, и в самом процессе выборов.

Обратимся к основам психологии, к фундамен-

тальным идеям, которые создавали психологию, я имею в виду идеи Ивана Михайловича Сеченова. Он говорит в своей основной работе, и упоминает практически во всех остальных, что **не существует мышления, нет мысли человеческой без сравнений. Всегда сравниваются два объекта.** Если я живу в России, я сравниваю то, как живут в России, с жизнью во Франции; если я сравниваю двух людей, я сравниваю, кто из них выше, кто – ниже и прочее. То есть должна присутствовать объективация любого суждения.

В эристике, которую я упомянул в начале своего выступления, объективация практически отсутствует, она подменяется метафорами и гиперболами, и, как говорил Артур Шопенгауэр в своей последней уловке, **если вы не находите серьезных аргументов для аудитории, то будьте личностны и грубы.** Мы все знаем, например, Жириновского, который эту уловку использует довольно-таки часто. Никакой аргументации в пользу или против суждения, против предлагаемой идеи, а вместе с тем – он выигрывает: выигрывает популярность, выигрывает электорат, выигрывает избирателей.

Даже если мы просто-напросто обратимся к выбору лошадей. Наверное, **мало кто из здесь присутствующих знает, что лошадь оценивается по 56-ти статьям.** Каждая статья имеет одну, две, иногда – несколько шкал оценивания. **А сколько статей, сколько критериев, по которым мы сегодня оцениваем депутата?**

Вот лишь часть сомнений, которые у меня есть. Я представляю, как настоящее время тяжело тем людям, которые занимаются организацией предвыборных кампаний, собственно организацией выборов. В море предвыборной информации, причем информации, одна часть которой направлена на восхваление, а другая – на дискредитацию, как выяснить, где есть подлог, где есть неправда, где есть завуалированная правда, где есть истина, где ложь? И здесь очень трудно разобраться даже тем, кто профессионально занимается выборами. Естественно, **пока мы не создадим систему оценочных критериев, пока сами избиратели не примут эти критерии и для них они не будут очевидны и понятны, до тех пор выборы у нас, наверное, будут бездумными,** такими, как рекомендовал когда-то Борис Николаевич Ельцин: «Выбирайте не головой, нечего думать, а выбирайте сердцем». А сердцем, мягко говоря, выбирать очень сложно, особенно когда выбираешь депутата.

Я сегодня не готовился к большому выступлению, просто я хочу обострить ситуацию. Выступающие здесь будут говорить о разных проблемах выборной кампании, но, вместе с тем, хотелось бы, чтобы наряду с критическими суждениями по поводу всего и вся, здесь прозвучали и какие-то оптимистические ноты. Я благодарю вас за внимание.

А. Л. ВАССОЕВИЧ: Анатолий Михайлович, большое спасибо за Ваше выступление. Когда Вы заговорили о статьях, которые характеризуют

лошадей, то, наверное, все участники Круглого стола осознали страшную правду: пока еще не найдены те 56 статей, которые характеризуют хорошего депутата-законодателя Государственной Думы, или хотя бы те 25 статей, по которым следует оценивать идеального кандидата в депутаты Законодательного собрания Санкт-Петербурга.

ЗАВЕДУЮЩИЙ КАФЕДРОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ СПбГУ, ПРОФЕССОР, ДОКТОР ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ НАУК А. И. ЮРЬЕВ:

Я считаю необходимым в продолжение выступления Анатолия Михайловича Зимичева остановиться на трех вопросах. Вопрос первый, который меня сильно беспокоит в последнее время. Я имел возможность, как и многие здесь присутствующие, вступить в достаточно доверительные отношения с некоторыми кандидатами в депутаты городского собрания Санкт-Петербурга, хотя не являюсь участником избирательной кампании, не буду им являться не только сегодня, но и в будущем. Впечатление противоречивое: с одной стороны, подавляющее большинство людей, которые сегодня баллотируются в городское собрание, при ближайшем знакомстве оказались людьми очень достойными. Компромат на большинство из них, содержащийся в неподписанных листовках, практически всегда – ложь. **За редким исключением, кандидаты – люди умные, опытные, сильные. Но когда дело доходит до профессиональной политики, в частности, политической борьбы, о которой писал Анатолий Михайлович, то они совершенно как малые дети.**

Я сочувственно отношусь к кандидатам в депутаты, потому что многие из них не совсем полно знают, во что они ввязываются. **Политика – это сакральная область человеческой деятельности с огромным количеством сложнейших лабиринтов, и не каждый человек, который туда войдет, успешно оттуда выйдет. История учит, что политике надо профессионально учиться, учиться и учиться.** Я настойчиво добиваюсь

14 ноября 2002 года. Выступает А. И. Юрьев.

организации в нашей стране университетского политического образования. **Поразительно, что к вождению автомобиля допускают человека только после подготовки – изучения автомобиля, правил движения, управления машиной, – а к управлению обществом допускают без элементарного политического образования!** Никто – ни государство, ни избиратели – не интересуется у соискателя представительной власти его политической квалификацией – ни документами о политическом образовании, ни описанием программы его политических намерений.

Я не хочу тем, что сказал, обидеть кандидатов. **Они – заложники нашей политической истории.** В России за работу в области политики преследовали, за исследование политики выселяли на Колыму. И получилось так, что в самом начале XXI века мы оказались не готовы к современному политическому процессу.

В Ученом совете Петербургского Университета сегодня обсуждается мое предложение о создании в Университете факультета политических наук. В процессе обсуждения выяснилось, что так или иначе изучают политику более 17-ти кафедр на самых разных факультетах Университета. Исследованием политики занимаются не только политологи, но даже кафедра высшей нервной деятельности, факультет прикладной математики, я уж не говорю о журналистах, социологах, психологах и многих других. И если бы эти 17 кафедр объединили свои усилия для того, чтобы приступить к преподаванию в Университете системы политических наук, это внесло бы огромный вклад в дело усиления нашей страны. Тогда люди, которых выбирают в органы власти страны, имели бы университетское, подчеркиваю, университетское политическое образование. И у страны не было бы проблем, из-за которых мы собрались сегодня. Наши политические лидеры точно бы знали, что они делают, как они должны это делать, к чему им нужно стремиться.

Этот вопрос находится в стадии обсуждения в большом Ученом совете, и не исключено, что мое предложение будет отклонено. Но у меня есть один аргумент: **именно Петербургский Университет «поставил» нашей стране в разные исторические периоды практически всех выдающихся политиков.** Например, выпускника матмеха Столыпина, выпускника юрфака Ленина и т. д. Политики – выпускники Петербургского Университета определяли судьбы страны и мира самым радикальным образом. Фактически **Университет работает над подготовкой политиков, но работает не системно: клочками, урывками. И отсюда – ошибки российской внутренней и внешней политики.**

Необходимо вернуть политике ее современное научное содержание и более уважительное отношение к ней. **Совершеннейшая дикость, когда люди, осененные государственной властью, всенародно говорят, что политика – это грязное дело!** Они просто не знают, что **политика – это наука, фундаментальнейшая наука, которая развивается по таким же естественным законам, что и физика, и химия, что применение математическо-**

го аппарата в современной политической науке является таким же обязательным, как и в инженерном деле. Все волнуются из-за нашей неспособности производить что-то лучше «Жигулей» в автомобилестроении, но почему в стране никого не беспокоит, что **мы производим «Политику», которая по качеству уступает политике ведущих стран мира еще больше, чем «Жигули» уступают «Мерседесу»?** Россия может прекратить производство отечественных автомобилей, но не может прекратить производство политики – это означало бы утрату страной своего суверенитета. Чем выше качество продукта, именуемого политикой, тем лучше отношение к России международного сообщества, тем стабильнее обстановка внутри страны. **Надо понять, что политика – это такой же продукт науки и труда, как электроэнергия, сталь, хлеб...**

Второй вопрос, который я хотел бы сегодня затронуть, находится вне пределов моей компетенции – это характер ведущейся в городе избирательной кампании. Я знаю, что, по Конституции, в нашей стране существует несколько ветвей власти. Главные – исполнительная и законодательная (представительная) власть. Я возражаю против того, чтобы исполнительная власть вела кампанию по дискредитации практически целой ветви власти – представительной. **Когда пресса переполнена заказными материалами о том, что депутаты такие-сякие и выборы такие-сякие, а в результате этой кампании мы получаем оценки деятельности депутатов на уровне позорных 7, 8, 10 процентов явки, – то это противозаконная дискредитация одной из ветвей государственной власти.** Это не такое безобидное дело, как многим кажется.

Кампания по дискредитации представительной власти направлена на срыв явки избирателей на выборы. Сегодня в Петербурге сознательно создается впечатление о кандидатах в депутаты и о депутатах вообще как о людях, преследующих на выборах только цели своего личного обогащения, о депутатской деятельности – как о деятельности ничтожной и бессмысленной, едва ли не главной помехе улучшению ситуации в городе. Начитавшись и наслушавшись такого от лучших модераторов телевидения, избиратели едва ли пойдут выбирать лиц, стремящихся к корыстным целям личного обогащения за счет своего высокого положения депутата ЗАКСа. Выборы – на грани срыва. Меня это сильно настораживает, и я бы хотел сегодня поделиться с вами тревогой по этому поводу.

Представительная власть должна быть, у нее должен быть не меньший авторитет, чем у исполнительной власти, и этому нужно способствовать всеми известными методами, потому что в отсутствие представительной власти все, что происходит в государстве, не выполняет свое предназначение, становится бессмысленным. Нужно всеми способами поддерживать авторитет этой власти и способствовать ее формированию усилиями всего населения, а не 30-ю процентами населения. Как минимум, процентов 70-80 должны

принимать участие в выборах.

Есть третий важный вопрос, касающийся того, что сказал Анатолий Михайлович, – это Закон о выборах. Поразительная вещь! Как я уже сказал, **когда человек идет получать водительские права, он предъявляет основания для того, чтобы их получить. Но когда соискатели подают документы на регистрацию их в качестве кандидатов, от них требуют ... деньги (!): залог, наличие средств на сбор подписей. Деньги, деньги, деньги. Никто не требует от кандидата предъявления его политических намерений, подтверждения его политической квалификации.** Даже фирму по ремонту обуви нельзя зарегистрировать без предъявления Устава фирмы – указания того, что фирма намерена делать. А «производителя политики» никто не спрашивает, с какими намерениями он хочет стать политиком и какими методами он намерен ее производить!

Меня поражает, что вся информация о кандидатах на избирательном участке ограничена их фотографиями и фамилиями! Кто, когда, где поручал кому-либо какую-либо работу на основании этих двух признаков? А по Закону о выборах, информирование избирателей о том, что и как намерен делать в политике кандидат в депутаты – это запрещенная предвыборная агитация! Закон о выборах предлагает выбирать депутата по длине носа и краткости фамилии? Чем он собирается заниматься, абсолютно непонятно.

Парадоксально, но сам Закон о выборах срывает выборы, потому что подавляющая часть избирателей считает для себя оскорбительным участвовать в наиглупейшем фарсе, в который превратили выборы авторы этого закона. **Неудивительно, что голосуют, в основном, граждане, которые уже прекратили свою активную трудовую деятельность, а часть голосов откровенно покупается у люмпенизированных людей.** Авторы закона о выборах создали странную ситуацию: от участия в управлении страной через представительные органы власти оттеснена наиболее активная, деятельная часть населения за счет предельного оглубления избирательного процесса. **Это показывает, что совершенно недопустимо пору-**

14 ноября 2002 года. Выступает А. Л. Вассоевич.

чать написание Закона о выборах тем, кто сам избирается.

Одним словом, избиратель должен буквально «покупать за свой бюллетень» ту программу кандидата, которая содержит наиболее эффективные планы и методы защиты его интересов. **Пока на «рынок выборов» не будет выброшен «программный продукт» кандидатов в депутаты, настоящих выборов не будет.** Выборы будут настоящими тогда, когда придут голосовать те, кто сегодня своим трудом содержит страну, а не только те, кто по разным причинам уже отошел от активной трудовой деятельности. А ныне действующий Закон о выборах отсекает от участия в них так называемый средний класс и привлекает, в основном, людей, живущих за счет социального обеспечения.

Итак, пока не появится на рынке продукт – политическая программа кандидата – **и пока я не смогу сравнить ее с политическими программами других кандидатов, выборы – это не выборы.** Это поле для тех гнусностей, взаимных оскорблений, которые мы наблюдаем сегодня в Петербурге по ходу избирательной кампании. При всем уважении к интеллектуальным способностям авторов Закона о выборах, скажу, что они не преследовали государственные и народные цели, создавая этот крайне неудачный текст. Или преследовали, но очень неудачно.

Итак, я рассказал о трех вещах, которые меня совершенно искренне беспокоят как гражданина. Спасибо за внимание.

А. Л. ВАССОЕВИЧ: Если вы не возражаете, я скажу пару слов в поддержку основной идеи Александра Ивановича.

Дело в том, что мне с первого года преподавания на кафедре политической психологии довелось быть свидетелем и участником той работы, которая осуществлялась сначала в Осиновой Роще, а затем уже на Высших политических курсах. И можно только пожалеть, что в ту пору это начинание, связанное с повышением квалификации региональных политических элит, основывалось лишь на энтузиазме ученых.

Сейчас лица, стремящиеся во власть, чтобы собрать необходимое число подписей, преодолевают только некую материальную планку. Это своеобразный имущественный ценз – свидетельство определенной денежной обеспеченности. Но было бы куда полезней для общества, если бы начинающие политики доказывали, что они еще и интеллектуально подготовлены к ответственной государственной работе. Возможно, тогда бы мы снизили уровень того глубочайшего разочарования нашими «народными избранниками», который характерен не только для Санкт-Петербурга, но и для всей России.

Хотелось бы, чтобы идея целенаправленной подготовки наших политиков обрела плоть и кровь и Высшие политические курсы под новым наименованием вновь возродились, как птица Феникс из пепла.

Теперь разрешите предоставить слово Александру Борисовичу Гарусову.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ А. Б. ГАРУСОВ:

Я хотел бы сказать несколько слов о том, как проходит у нас, в Санкт-Петербурге, избирательный процесс, как выполняются соответствующие планы, а потом дать некоторые оценки с учетом тех замечаний, которые сегодня прозвучали. Могу сказать, что с абсолютным большинством из них я согласен. Но, к счастью или к сожалению, за нами стоит практика выборов: 80 миллионов рублей из госбюджета, 20 процентов явки, и при этом нам необходимо избрать кворумное Законодательное собрание (должно быть избрано не меньше 2/3 депутатов). Если же 8 декабря не будет кворума, то мы должны будем назначить дату выборов не позднее, чем через 120 дней, и как раз попадем на 300-летие нашего славного Санкт-Петербурга.

Период, предшествующий назначению даты выборов, был исключительно сложным. Во-первых, новый федеральный закон об основных гарантиях вступил в силу только 26 июня текущего года, и мы – первый регион, в котором проводятся выборы по этому закону. **Надо отметить, что закон теперь не предполагает назначение выборов за 180 дней, а наши выборы были вообще назначены 19 сентября, т. е. в предельно минимальный срок: за 80 дней до дня голосования.** Кроме этого, наш старый региональный закон о выборах депутатов Законодательного собрания подвергся весьма жесткой критике и сегодня рассматривается в суде – в нем только серьезных несоответствий федеральному Закону порядка 25-26.

Во-вторых, мы должны были утвердить границы избирательных округов, нам из-за несбалансированной численности избирателей пришлось изменить границы 18-ти из 50-ти округов. (По закону, средняя разница в численности избирателей по разным округам должна составлять порядка 10 процентов. К примеру, в Приморском районе

14 ноября 2002 года. Выступает А. Б. Гарусов.

разница составляла практически 23 процента, поэтому пришлось корректировать границы и соседних избирательных округов.)

В-третьих, **порядка семнадцати с половиной тысяч человек были назначены организаторами избирательного процесса в окружные и участковые избирательные комиссии.** Семнадцать с половиной тысяч человек работают вместе с нами, и мы отвечаем за их организацию, оснащение, обучение и, безусловно, за правильную работу.

По состоянию **на 5 ноября, было выдвинуто порядка 490 кандидатов, а зарегистрировано – 422.** Таким образом, сегодня на 50 округов мы имеем 422 кандидата. Правда, это несколько ниже, чем при выборах депутатов Законодательного собрания второго созыва, – тогда было зарегистрировано 567 кандидатов. И вы прекрасно представляете, насколько сложно информировать избирателей об этих кандидатах, насколько сложно их представить за месяц до дня голосования на телевидении, радио и в других средствах массовой информации. К тому же, население к выступлениям кандидатов не относится положительно. Многие сразу переключают телевизор на другую программу (мы проводили такие исследования), а другие делают это же, посмотрев выступления двух-трех кандидатов. Но закон требует, чтобы нашим кандидатам предоставлялся бесплатный эфир – бесплатный для них, но не для бюджета Санкт-Петербурга. **Мы обязаны предоставлять кандидатам только прямой эфир с их личным участием. Никаких записей, никаких синтезированных роликов с кем-то из знаковых фигур и так далее – этого нет.** Может быть, в этом и кроется причина непривлекательности таких эфиров для наших избирателей.

Особенностью этих выборов является то, что достаточно большое число кандидатов выдвинуто от политических партий и избирательных блоков, имеющих фракции в Государственной Думе. **Эти партии практически сформировали систему избирательных комиссий.** (В городе 1700 участковых избирательных комиссий. По закону, мы обязаны их скомплектовать не менее чем на половину по представлениям от этих партий. Мы обязаны исполнить закон.) **Однако эта система не готова к работе: мы получили людей, которые практически никогда не участвовали в избирательном процессе, а некоторые из них даже уклоняются от работы в избирательных комиссиях. Причем многие региональные отделения политических партий в Санкт-Петербурге вообще такого количества людей не имеют.** Но надо же им было кого-то представить! И в результате, к сожалению, мы получаем иногда (я не говорю, что всегда) такой достаточно случайный набор членов избирательных комиссий. Эту проблему нам надо будет решать сейчас, делиться опытом с моими коллегами, и при проведении и организации грядущих выборов этот фактор учитывать.

К тому же, возникла еще одна серьезная политическая коллизия. Партии и общественные движения очень интересуются работой друг друга –

избирательной документацией. И понятно, почему. Потому что это основа для критики, это основа для средств массовой информации, выпуска листовок, плакатов и так далее. Причем, иногда требуют представить буквально все, вплоть до избирательных списков. Это тоже понятно: их интересует база данных избирателей, которая есть у нас.

Всему этому приходится противостоять. **У нас опять появились двойники.** Например, в 31-м округе Московского района зарегистрированы три пары двойников, у которых и имена, и фамилии одинаковые. Некоторые пытались использовать и псевдоним, но сегодня это категорически запрещено законом.

Что мы предпринимаем в этом плане с точки зрения исполнения законодательства и с политической точки зрения? **Каждый кандидат имеет право на создание своего избирательного фонда и должен оплачивать все свои действия только из средств избирательного фонда.** Размер этого фонда составляет 300 тысяч рублей. Я могу сказать, что при выборах в следующую Государственную Думу в 2003 году этот фонд будет увеличен в несколько раз, я думаю, что он будет не менее 3 миллионов рублей.

По бытующему мнению, депутат тратит на выборы не 300 тысяч, а значительно больше. Но пока будем говорить о 300 тысячах рублей. Это цифра, по сегодняшним меркам, небольшая. И, согласно закону, **если кандидат превышает предел избирательного фонда на 5 процентов или тратит больше 5 процентов помимо избирательного фонда, то по нашему представлению суд его неминуемо снимет с регистрации.** Если же эта цифра будет составлять **10 процентов, то можно отменить итоги выборов полностью.** И, опять же, только через суд. Но меня настораживает то, что избирательные фонды кандидатов «наполнены» на сегодняшний день только на треть. А я могу ответственно заявить, что 300 тысяч на выборы в Санкт-Петербурге – это не много.

Поэтому, политически и психологически рассчитав наши позиции, мы определили следующее. **Мы ввели скользящий контроль средств избирательных фондов,** мы активно работаем со Сбербанком, у нас идет компьютерный обмен, причем, наши люди работают по 16 часов. Мы обрабатываем в день до двух с половиной тысяч платежей, причем, выявляем неправомерные, анонимные платежи, информируем систему окружных избирательных комиссий и заставляем кандидатов или эти деньги возвращать жертвователям, или перечислять в бюджет.

Здесь мы каким-то образом навели определенный порядок. Передо мной лежит таблица, она довольно интересна. Итак, на сегодня у нас зарегистрированы 422 кандидата. На счетах всех кандидатов сейчас находится порядка 44 миллионов рублей. Мы имеем возврат и уточнение средств примерно на 4 миллиона рублей, а израсходованных средств, которые прошли через счета кандидатов, – порядка 21 с половиной миллионов рублей. Это «не те» цифры сегодня. Поэтому контроль должен быть

ужесточен в еще большей мере, и мы усилили свою контрольно-ревизионную службу специалистами всех компетентных отраслей, мы готовы контролировать в электронном виде не только то, что поступает, но то, что расходуется.

Мы осуществляем мониторинг всех средств массовой информации – а их 88, – которые заявили нам о том, что они будут освещать агитационный процесс. То есть к утру формируется толстая брошюра, где идет оценка всех публикаций. И я думаю, что на этой неделе мы будем давать юридическую, практическую оценку этим публикациям, определять, представляют они собой информационный материал или агитационный. Информационный – пожалуйста, агитационный – только за счет этих денег.

Сегодня СМИ в Санкт-Петербурге ведут себя весьма настороженно. Создается впечатление, что они 10 раз отмерят и только на 11-й раз решат, стоит публиковать какую-то статью или нет. Нами выдвинуты предложения (они сейчас рассматриваются ЦИКом) с тем, чтобы средствами массовой информации не только делать предостережения, но после двух-трех предостережений прекращать в период выборов действие соответствующих лицензий на вещание, публикации и так далее. Насколько демократична эта форма, я не знаю, я думаю, здесь нам нужно посоветоваться со специалистами Университета.

Я согласен с предыдущими выступающими. Да, действительно, **необходимо повышать правовую избирательную культуру** жителей Санкт-Петербурга, которые, с одной стороны, **являются избирателями**, а с другой – могут быть **и кандидатами в депутаты**. Уважаемые коллеги, если бы вы посмотрели на сегодняшний состав кандидатов по определенным параметрам, на тех людей, которые пишут к нам обращения! Я их всех очень уважаю, но те материалы, которые у нас остались в компьютерах с прежних выборов, повторяются... Чтобы вы не сказали, что я не демократичен в этом плане, я не хотел бы дальше развивать свою мысль. Большое вам спасибо.

В. В. КРАМНИК: Я участвую в одной радиопередаче, где постоянно приглашаются кандидаты в депутаты, которые выступают и в роли историков, в роли социологов и так далее. Вообще они имеют право выступать в таких передачах? Не нарушает ли это принцип равенства?

А. Б. ГАРУСОВ: Каждый конкретный случай должен быть рассмотрен индивидуально.

В. В. КРАМНИК: Но они могут быть сняты за это?

А. Б. ГАРУСОВ: Да, если не оплатили это из средств своих избирательных фондов и если в их выступлениях есть нарушения избирательного законодательства.

А. Л. ВАССОЕВИЧ: Александр Борисович, большое спасибо за выступление. Разрешите, я скажу несколько слов, которые, может быть, будут полезными. Если бы изначально существовали тесные взаимоотношения между Городской избира-

тельной комиссией и, скажем, кафедрой политической психологии, НИИКСИ или «Вестником политической психологии», то, конечно, мы с удовольствием подсказали бы и Вам, и нашим дорогим депутатам ЗАКСа, что **проводить выборы 8 декабря – это изначально плохая идея, исходя из одной простой вещи – длины светового дня. Энергетические ресурсы организма к этому времени исчерпаны.** Кто, кроме Юрия Титовича Шутова, может в таких условиях «тонизировать» избирателей, чтобы они пошли голосовать? Но в нынешней ситуации даже ему – из СИЗО – это будет трудно сделать.

Человек – существо биосферное, нельзя игнорировать то, что давным-давно открыто Чижевским, что глубоко осмыслено Вернадским, и в этом смысле, конечно, такие прецеденты не должны повторяться. Если уж голосовать, то только тогда, когда увеличивается длина светового дня, но при этом желательно все-таки не в разгар отпускного сезона.

Теперь, если к Александру Борисовичу нет больше вопросов, я предоставляю слово Владимиру Юрьевичу Большакову.

ДИРЕКТОР САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЦЕНТРА, ДОКТОР ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ НАУК В. Ю. БОЛЬШАКОВ:

Позволю себе не согласиться с озвученными в предыдущем выступлении тезисами. В основе их, по моему мнению, заключена неверная посылка, что люди, придумавшие **закон о выборах депутатов** Законодательного собрания, не понимают элементарных вещей. На самом деле, авторами этого закона являются люди умные, хорошо понимающие свою выгоду. Закон **содержит все необходимые статьи, для того чтобы обеспечить действующим депутатам** (т. е. авторам закона) **все условия для переизбрания на очередной срок.** Считаю, что наиболее «грязными» являются технологии именно такого рода.

Раздуваемые прессой разговоры о выдвижении

14 ноября 2002 года. Выступает В. Ю. Большаков.

двойников-однофамильцев у большинства политтехнологов вызывают улыбку. Избиратели Санкт-Петербурга вполне способны отличить основного кандидата от подставного. Может быть, этот трюк имел какое-то значение в первые годы его применения, но сейчас он имеет иной, совершенно противоположный смысл: зачастую своих двойников выставляют сами основные претенденты на победу, чтобы народ пожалел их, ведь против них якобы используют «черные» технологии. Малокомпетентные СМИ подхватывают тему двойников, считая ее важной и интересной читателям, так что пиар получается еще и бесплатным.

Но **настоящей «грязной» технологией является использование силы закона, силы избирательных комиссий** – структур, поставленных следить за объективностью избирательного процесса, – **в интересах одних кандидатов против других.** Закон, по которому проходят выборы, приняли не избиратели, в чьих интересах проводятся выборы, а депутаты, практически в полном составе стремящиеся переизбраться на следующий срок. Поэтому закон о выборах отстаивает именно интересы депутатов, а не народа. Выборы становятся фарсом, избиратели не хотят принимать в этом участие. Явка падает, и все околополитические люди лицемерно ищут этому причину. Но она заключается не в фальшивых листовках, не в двойниках, а в злоупотреблении служебным положением избранными народом депутатами.

И этот процесс представляется мне довольно опасным. Однажды народ понял, что интересы Коммунистической партии заключаются лишь в заботе о сохранении ею своей руководящей роли, – и СССР распался. **Сейчас избиратели начинают понимать, что демократические избранники-депутаты отстаивают лишь свои интересы.** И это ставит под угрозу развитие России. Парадокс заключается в том, что у нас в Санкт-Петербурге основную долю ответственности за подрыв института выборов как главного инструмента демократии несут депутаты демократической ориентации – «яблочники» и члены СПС.

Действующие депутаты «прикармливают» 4-5 тысяч пенсионеров, ветеранов, инвалидов, используя для этого деньги городского бюджета, но заявляя повсюду, что эти пособия, подарки и другие благодетельства идут с их личного барского плеча. Затем принимают новый закон о выборах, в котором ограничивают кандидатские фонды, сокращают время ведения агитации, практически лишают соперников возможности использования в агитации СМИ и, самое главное, делают выборы однотуровыми. **В этих условиях 4-5 тысяч купленных голосов приносят победу. Все это напоминает мне деструкцию общественных отношений в Древнем Риме эпохи Цезаря,** когда каждый претендующий на должность консула прикармливал своих клиентов-бездельников, используя средства, добытые грабежом провинций.

Чтобы разрядить атмосферу, предложу, в порядке шутки, идею, которую выдал мой коллега, с которым мы провели не одну избирательную

кампанию, – Олег Генрихович Савельев: если у нас такая либеральная демократия, то давайте превратим выборы в игру на бирже! Станем выдавать каждому избирателю ваучер, означающий один голос. Этот ваучер можно продать, обменять, заложить, купить, взять в аренду и так далее. Человек, желающий стать депутатом, губернатором, президентом, сможет скупить на бирже определенное количество ваучеров. Далее, в день голосования все претенденты на пост приходят и выкладывают перед бдительные очи членов комиссии свои голосующие пакеты. У кого ваучеров больше, за тем и пост. Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно.

В заключение хочу поблагодарить коллег, представителей прессы, представителей городской и областной избирательных комиссий за то, что мы все вместе здесь сегодня собрались и обмениваемся мыслями и идеями. Спасибо.

А. Л. ВАССОЕВИЧ: Я хочу поблагодарить Владимира Юрьевича Большакова, благодаря которому тут, кажется, наступил момент истины: мы вдруг четко осознали, что **даже назначение срока выборов в современных условиях – это «грязная» политическая технология.** Это не некое недомыслие, связанное с недостаточностью общей культуры наших политиков, а просто еще одна «грязная» политтехнология. И об этом тоже надо говорить, и тогда, возможно, общество сможет повлиять на ситуацию в нашем регионе, и ходить голосовать мы будем либо ранней осенью, либо по весне, в крайнем случае, в июне, но уж никак не 8 декабря.

Теперь разрешите предоставить слово Владимиру Павловичу Журавлеву.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В. П. ЖУРАВЛЕВ:

Андрей Леонидович подметил действительно очень серьезную вещь – время проведения выборной кампании. Мне кажется неслучайным, что в Соединенных Штатах Америки выборы проходят в начале ноября, а в Великобритании – в начале мая. Я не думал затрагивать этот аспект, но он действительно имеет отношение к психологическому состоянию избирателя. Так давайте заметим, что не только выборы депутатов Законодательного собрания Санкт-Петербурга, но и выборы депутатов Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации проходят каждый раз именно в тот же самый кризисный период – в середине декабря.

Я соглашусь с Владимиром Юрьевичем Большаковым: избирателя, безусловно, отталкивает нечестность, несправедливость выборов. Поэтому должны быть четкие «правила игры», которые ставят в равные условия всех кандидатов. Должен быть и контроль за выполнением этих правил.

Достигается ли решение этой задачи? Мне

14 ноября 2002 года. Выступает В. П. Журавлев.

кажется, тот аспект, который затронул Александр Борисович Гарусов, – возможность по решению суда снять кандидата с регистрации, если им на 5 % превышен общий размер избирательного фонда до дня голосования или на 10 % – после дня голосования, – это серьезная новизна в законе.

Но меня поразило, что, согласно новой редакции Федерального Закона о гарантиях избирательных прав, **избирательная комиссия не может отказать кандидату в регистрации за подкуп избирателей, осуществленный на этапе сбора подписей,** когда впервые разрешена предвыборная агитация. Парадокс – в Законе среди казалось бы исчерпывающего перечня оснований для отказа кандидату в регистрации нет подкупа избирателей на этой стадии! То есть комиссия, имея массу материалов о таком подкупе, должна кандидата зарегистрировать, а потом обратиться в суд, чтобы тот отменил решение комиссии о регистрации этого кандидата. Это еще одна иллюстрация того, что далеко не все гладко и в правовой базе выборов, и в том, как они организуются.

Я солидарен с жестким настроем Александра Борисовича – кандидаты должны выполнять требования закона, и нужно, чтобы комиссии в этом сыграли очень серьезную роль, обеспечив контроль их выполнения, ведь они – главные организаторы выборов. Но мне кажется, что в ближайшее время мы этого достичь не сможем.

Подкуп избирателей царил на многих выборах, в том числе, **в ряде округов Ленинградской области** на выборах депутатов Законодательного собрания в декабре 2001 года – по крайней мере, в двух округах подкуп точно был, **причем, массовый. Но чтобы это доказать, необходимо привести в суд избирателей, которые подтвердят, что они были подкуплены.** Причем количество этих людей должно превышать **разницу в числе голосов, отданных избирателями за кандидатов, занявших первое и второе места.** То есть по конкретному округу Ленинградской области надо было бы привести в суд как минимум 900 избирателей, которые скажут, что их подкупили. Это нереально, хотя подкуп достигал огромных масштабов. А представьте себе его масштаб на федераль-

ных выборах! Еще одно несовершенство, полнейшая прореха в избирательном законодательстве.

К этому можно прибавить и **еще одну проблему,** самую сложную для нас, – **отсутствие действенных мер со стороны правоохранительных органов.** Избирательная комиссия – не следственный орган, это не наши функции. Но до сих пор отдельные представители органов внутренних дел, когда к ним обращаются комиссии с жалобами на подкуп избирателей и призывами к принятию мер, отвечают: «Мы не вмешиваемся в политику». А я считаю, что **потворствовать тому, чтобы во власть приходил кандидат, использующий подкуп избирателей, – это и значит вмешиваться в политику, то есть способствовать «грязной» политике.**

И Центризбирком, и прокуратура готовят сейчас материалы на расширенную Коллегию МВД. И мы посылаем свои предложения, для того чтобы разобраться с этим вопросом и организовать более четкую работу правоохранительных органов в ходе выборов. Но, к сожалению, мы вынуждены обращаться к избирателям: «Дорогие избиратели, откровенно говоря, государство не справляется с таким количеством вопросов на выборах. И вам, уважаемые избиратели, надо все-таки найти в себе силы, чтобы разобраться, какой кандидат использует «грязные» технологии, а какой старается идти на выборы честно».

Но избирателю в этом нужно помочь. В стенах Санкт-Петербургского Государственного университета был рожден термин «гуманитарные избирательные технологии» как противовес аморальным и противоправным избирательным технологиям. В моем понимании, гуманитарные технологии сродни образованию, они должны способствовать развитию самосознания, повышению политической и правовой культуры избирателей.

Кто этим должен заниматься? Первый ответ: государство. Есть соответствующая программа, разработанная избирательной комиссией, делается кое-что на местах, тратятся на это какие-то небольшие средства. На практике это выливается в следующее. К примеру, завтра я еду в Лужский район выступать перед учителями правоведения с призывом дать ребятам знания по основам избирательного права. И так по всем районам области. У нас уже 5 лет проводятся олимпиады по этой тематике. Ребята, которые принимают участие в олимпиадах, потом идут в юридические вузы. Мы пытаемся подготовить молодого человека к тому, чтобы он осознанно, ответственно относился к своему участию в избирательном процессе. Работаем мы также и со студентами. Мы проводили областную конференцию молодежного актива, и ребята мне говорили: «Приезжайте к нам в вуз, проведите занятия по избирательному праву, по избирательному процессу». Потребность есть – и будут слушать, будут вникать. В завершение этой мысли скажу, что я, безусловно, двумя руками за предложение Александра Ивановича: конечно, этим процессом должно заниматься государство, должны быть организованы факульте-

ты в вузах и специализированные колледжи. И государство не должно жалеть на это денег.

Но в такой серьезной аудитории я не могу что-то сглаживать и смягчать. Я задаю себе вопрос и обращаю его сейчас к вам. **Мы знаем, что нередко во власть приходят представители олигархического и, зачастую, криминального капитала,** используя «грязные» выборные технологии. Будут ли эти представители во власти заботиться о том, чтобы повысить правовую культуру избирателей? Будут ли помогать избирательным комиссиям проводить эту работу? **Заинтересованы ли они в честных выборах?** Ведь тогда их дальнейшие ставленники не смогут побеждать на выборах? К сожалению, я вижу здесь тупик, замкнутый круг.

Есть ли выход из тупика? Я думаю, что в определенной мере есть. Спасительная для нас перспектива – использование тех возможностей, которые открываются для развития политических партий. Я понимаю, что это может вызвать неприятие, потому что многие из нас уже враждебно настроены к этому слову – партия. Но **только наличие партий позволяет гражданам четко определять свою политическую ориентацию и влиять на власть.**

Не случайно в Великобритании на мой вопрос: «Почему у вас даже на муниципальных выборах в списке кандидатов нет представителей не политических партий? Где ваши независимые кандидаты?» – организаторы выборов ответили вопросом: «Какие независимые кандидаты?». Я пояснил: «Которые не от партий» и услышал в ответ: «Это бывает редко». А почему это так? Потому что там в партийных структурах даже для участия в муниципальных выборах идет очень серьезный, поэтапный отбор кандидатов – по уровням партийных структур. А потом уже включается весь механизм партийной поддержки – и деньги, и средства массовой информации, и консультанты, и разработка предвыборных партийных программ. И избиратели прекрасно знают, что кандидат от партии – это серьезно, это выверено и определено крупными политическими силами, за которыми стоит основательный интеллектуальный потенциал. Я надеюсь, что аналогичные возможности будут и у нас.

Завершая выступление, приведу маленький пример. Мне довелось быть на семинаре по выборным технологиям, который проходил в **Псковской области.** И там рассказывали об одном эксперименте, проведенном перед муниципальными выборами. Они пошли по такому пути: **организовывали предвыборные встречи с избирателями в виде дискуссий,** и люди шли, и в сельской местности шли, и были полные залы, **и явка на муниципальных выборах составила около 45 процентов.** И побеждали те кандидаты, которые участвовали в этих дискуссиях, а не прикрывались технологиями, листовочками, газетками и так далее. И на этих выборах люди откликнулись на «живую» информацию о кандидатах. Я думаю, что нужно перестроить и нашу работу, потому что пока у избирательной комиссии нет какой-то организационной роли.

И самое последнее. Еще одна причина, почему

избиратель не заинтересован в выборах. Избрался депутат Государственной Думы. Какую он несет ответственность перед избирателями? Да никакой формы ответственности нет. **Почему не сделать так, чтобы потом избранный депутат в установленной законом форме отчитывался,** в том числе и в средствах массовой информации, а в случае неудовлетворительной его работы **была бы предусмотрена реальная процедура отзыва.** Мне кажется, это уже другая позитивная технология, которая должна пронизывать все стадии избирательного процесса, она нацелена на то, чтобы установить организационную связь на правовой основе между избирателями и выбранным должностным лицом. Большое спасибо.

В. Е. СЕМЁНОВ: Вы знаете, что на последних выборах в области были такие случаи, когда предсказывались исходы выборов, причем, **в одних округах прогнозы четко подтвердились, а в некоторых – очень четко не подтвердились.** И есть большое подозрение, что в тех округах, где они не подтвердились, фактически применялись «грязные» технологии, подкуп и прочее. Вы согласны, что это было так?

В. П. ЖУРАВЛЕВ: Я думаю, что, по всей видимости, так оно и было. Скажем, в Шлиссельбургском округе именно в день голосования кавалькада машин из Петербурга (несколько десятков) прибыла в округ, и **приехавшие в них люди практически атаковали избирателей на подходе к избирательным участкам.** Участки были заблокированы так, что зачастую избиратели не могли туда попасть, если их не подкупят эти люди. Конечно, вследствие такого воздействия на большую часть избирателей, результаты голосования будут отличаться от результатов опросов, проведенных даже за день до голосования. И милиция бездействовала, и комиссия растерялась...

Но я сказал, что прорех в избирательном процессе еще очень много.

А. М. ЗИМИЧЕВ: Правильно ли я понял, что сам факт выдвижения партией значит, что уже в самой партии будет какая-то система критериев отбора кандидата? И эти критерии, в связи с тем, чем занимается партия, на что она ориентирована, будут более адекватно восприниматься избирателями. Это имеется в виду?

В. П. ЖУРАВЛЕВ: Конечно, именно в этом была моя мысль. И более того, поскольку выдвигать кандидата могут только политические партии (кроме самовыдвижения), это тоже мощный стимул к тому, чтобы именно такой подход стал преобладающим в дальнейших избирательных кампаниях.

В. С. ЧУПОВ: Мне кажется, более действенным мог бы быть не отчет депутата, а оценка его работы избирателями. И, может быть, необходимо какое-то поощрение или, наоборот, порицание в результате работы?

В. П. ЖУРАВЛЕВ: Я здесь вижу все-таки основную форму – возможность отзыва того депутата, который не оправдал надежд. Честно говоря, вопрос немного неожиданный, но лучшей

оценкой, наверное, будет его повторное избрание.

Ю. Ю. ЧУКАНОВ: Я хотел бы не согласиться с Вашей оценкой и задать вопрос. Вы сказали, что государство не справляется. Я считаю, что государство справляется, идеально справляется. И если бы мы говорили о существовании какой-то системы в представительной демократии, которой нет, да она и невозможна, мы бы говорили об очень простой вещи, которая существовала в середине XX века в некоторых государствах. Там был принят закон о том, что **гражданин страны обязан участвовать в выборах**. Если без уважительной причины он отказывался это делать, его лишали гражданства. Вот и все.

В. П. ЖУРАВЛЕВ: Во-первых, подобный опыт есть в целом ряде стран: в Бельгии, Австралии и в некоторых других. Это спорный, дискуссионный вопрос – надо ли устанавливать санкции к избирателям за неучастие в голосовании. Государство не справляется в позитивном аспекте, я имел в виду, с теми проблемами избирательного процесса, о которых сегодня говорилось.

И. П. ЛУЗИН: Поскольку мы будем переходить к выдвижению кандидатов во все уровни от партий, то, вероятнее всего, установится такая практика, что отчитываться они будут перед партиями. И уже партии будут отчитываться перед избирателями.

В. П. ЖУРАВЛЕВ: Я не думаю, что выдвижение кандидатов от партий будет превалять на последующих выборах, скажем, в ближайшие 5-7 лет. То есть самовыдвижение все равно будет очень активно использоваться, поскольку многие партии все-таки находятся в стадии организации, подготовки к такому процессу. Поэтому мне представляется, что и отчеты кандидатов, и отзыв – процедуры вполне жизнеспособные в ближайшее время. И потом, в одномандатных округах, коих при выборах в ЗакС будет половина, будут выдвиженцы и от партий, но отчеты эти одномандатники смогут давать непосредственно избирателям.

И. П. ЛУЗИН: Отзыв от партии – это реально. Отзыв от массы избирателей – это гипотетическая возможность.

В. П. ЖУРАВЛЕВ: Давайте использовать различные возможности, потому что я противник такого подхода: или – или. По-моему, надо делать и то, и другое.

О. С. ДЕЙНЕКА: Действительно, мы так мало получаем информации из СМИ о том, что есть прецеденты. Мы привыкли, что гражданское общество развито хорошо там, а у нас оно спит и все, и нет никаких росточков. Наконец объявили, но один раз, по радио о том, что в **Петропавловске отозвали не депутата, а мэра. Но важен сам факт отзыва – и осуществленный не партией, а списком граждан, которые поняли, что он не справился со своими задачами.**

Это тоже «грязные» технологии, тоже диверсия, когда скандальные, «желтые» факты вездестрают, а развивающие, конструктивные – нет. Вы так хорошо говорили об образовании, но **самые главные наши образовательные органы – ведущие телевизионные каналы, ведущие средства**

массовой информации – пока дремлют. Нужно действительно показывать факты отзывов, отчетов.

В. П. ЖУРАВЛЕВ: Я добавлю: государственные СМИ как раз могут это сделать. Можно с ними работать в этом направлении, это совершенно реальная задача.

А. Л. ВАССОЕВИЧ: Хочу поблагодарить Владимира Павловича за такое яркое выступление, которое вызвало сильный эмоциональный отклик у многих участников нашего Круглого стола.

И, вероятно, будет целесообразно после этого всплеска эмоций, связанных с очень честным признанием, что к власти сейчас рвется либо олигархический, либо криминальный капитал, предоставить слово Валентину Евгеньевичу Семёнову.

ДИРЕКТОР НИИ КОМПЛЕКСНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ СПБГУ, ДОКТОР ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР В. Е. СЕМЁНОВ:

Я, наверное, предвыборную ситуацию анализировать не буду – мне хочется более масштабно посмотреть на все, что происходит у нас, потому что выборы – это всего лишь часть общей политики, всего того, что происходит в стране. И, в общем-то, мы, наверное, снова приближаемся к очередному кризису, в том числе и политическому, потому что народ сейчас в таком состоянии, что **героями современных выборов, прежде всего, являются «господин “против всех”» и «господин “Видал я вас всех в гробу в белых тапочках”»** (так называемое **протестное голосование**). Вы понимаете, все планки опущены. Дай Бог, если придут 20 процентов (да еще при десятке кандидатов на округ), и они выберут. Это что, глас народа?

Какова психология политической борьбы? **Получается, что сейчас никакой борьбы и нет.** Многие знают одного из наших коллег, крупного политтехнолога из Нижнего Новгорода, который недавно приезжал и освещал нам все, что там происходило. Конечно, Санкт-Петербург – не

14 ноября 2002 года. Выступает В. Е. Семёнов.

Нижний Новгород, не Красноярск, но все же то, что происходило на выборах в Нижнем Новгороде, свидетельствует о том, что опасность чрезвычайно велика: **можно опуститься до псевдовыборов, когда нет никакой психологической борьбы.** Ведь что такое выборы? Это борьба личностей, борьба программ, борьба идей, а сейчас – все чаще просто **борьба толстых кошельков**, вернее мешков, и **плюс** так называемый **административный ресурс**, который был потрясающе использован в Нижнем Новгороде. Интеллигенция этого города была возмущена. Многие здесь, наверное, знают, что там должна была проходить конференция, довольно солидная, с участием всех ведущих политических психологов и политологов, но она была отменена именно потому, что местные ученые посчитали, что в городе, где были допущены такие переборы и беззаконие, просто неприлично устраивать подобную конференцию.

Я имел некоторое отношение к предыдущим выборам мэра в Нижнем Новгороде в 1998 году, когда победил Юрий Лебедев. И тогда творилось примерно то же самое. Был Клементьев – народный любимец, избранник, бабушки выходили агитировать за него с иконами. Так он был просто посажен в тюрьму перед выборами. Сейчас снова нашли повод снять его с выборной дистанции. После этого говорить о какой-то психологической борьбе просто не приходится, потому что такая «борьба» называется совершенно по-другому.

Вот сидит Всеволод Иванович Болгарчук, с которым мы недавно говорили в телевизионном диалоге о том, что у нас происходит, в какое время мы живем. У меня все время такое ощущение, что я нахожусь в оазисе. Как сейчас здесь – прекрасный зал, питерский университет, замечательные, порядочные люди, умные, интеллектуальные, но стоит из этого оазиса выйти, и снаружи будет совершенно другое: другие отношения, другой психологический климат. Я недавно был в Татарстане, в нефтяном институте. Там все из гранита, мрамора, все сверкает: ясное дело, нефтяники – люди богатые. Внутри института – тоже интеллигентные люди. Но выходишь за институтский порог – другая жизнь, другие люди, другие нравы. **Вот в чем дело. Местами оазисы, а вокруг – грубая, грязноватая, темноватая, неустроенная жизнь...**

Вот что волнует: доверие к власти упало снова. Вспомните 2000 год, приход Владимира Владимировича, колоссальные ожидания. Хочется вспомнить именно те президентские выборы и посмотреть, как проявлялось волеизъявление избирателей, обратив внимание не просто на сиюминутные пристрастия людей, а на более глубокие, ментальные особенности российского человека, российского избирателя. Помните, Владимир Владимирович на всероссийских выборах в 2000 году получил 53 процента голосов? Фактически он воспринимался как человек из народа: такой питерский гамен из коммунальной квартиры – романтический образ, к тому же разведчик и так далее. Более того, оказалось, что он православный

человек. То есть совершенно необычный образ, к тому же, **имидж спортсмена, борца:** «будем их “мочить”»... **Просто народный герой.**

Далее, заметьте, коммунисты в России свою треть электората получили: 29 процентов за Зюгановым, 3 процента – за Тулеевым. Представителя прозападного направления – Явлинского – поддержали всего лишь 5,8 процента. Посмотрите, какая полиментальность вырисовывается: **ментальность народного одухотворенного героя** (более половины голосов), **ментальность советско-коллективистского типа** (треть электората) и **ментальность индивидуалистско-капиталистическая** (шесть процентов). Правда, как считают некоторые аналитики, даже в президенты пытались баллотироваться криминальные субъекты, а также личности с весьма эклектичными взглядами, вроде Титова или Памфиловой.

Сейчас эти ментальности очень четко вырисовываются и на выборах: **депутаты поляризуются вокруг основной горизонтальной оси.** Люди, солидаризирующиеся с народом, патриотичные, с коллективистской, общинной ментальностью, – с одной стороны. А с другой стороны – силы прозападные, индивидуалистские. Хорошо, если бы они по-настоящему были демократическими, интеллигентными, но, к сожалению, прозападное направление зачастую у нас выступает в одиозном виде. И поэтому эта ось, если взять наш менталитетный координатный «крест», получается несколько кривая. **Одна сторона оси – между архетипами традиционного православного, российского менталитета и советско-коллективистского,** и здесь у нас большинство народа до сих пор. **А другая сторона оси, как бы западная** (эта ментальность у нас сейчас в неплохом варианте, и дай-то Бог, но она, к сожалению, еще явно не в норме), уклоняется в денежные махинации, попросту – в новорусский криминал.

В такой ситуации и наших питерских кандидатов в депутаты можно по этим двум типам «рассортировать». Правда, Питер – город особый, от всей России сильно отличающийся: у нас, например, Явлинский всегда получал больше голосов, чем по всей России. Сейчас, насколько я знаю, даже представители православных сил (точнее, позиционирующие себя такими) тоже пытаются пойти в политику, хотя этого, в принципе, никто не одобряет.

Я еще могу добавить к рекомендации не проводить **выборы в декабре: ведь это время рождественского поста,** и православные не пойдут на выборы еще и по этой причине. Так что, проводя выборы, все надо учитывать.

В России, как всегда, – противостояние власти и народа, это уже традиционно. На самом деле, народ у нас очень неплохой, он зачастую мудрее и порядочнее, чем те, кто им правит. И Александр Сергеевич Пушкин это отразил, и многие другие наши классики. Ведь до сих пор заведено, не обижайтесь на меня, господа чиновники (здесь люди сидят порядочные), что российский чиновник – это статья особая. Это противостояние всегда сохраняется. Как его преодолеть? Если власть – в

лице самой-самой высокой московской власти – не поймет таких простых вещей, что нельзя все заорганизовать, проманипулировать, нельзя административный ресурс так нагло применять, – мы опять попадем в очень плохую зону.

Разве не являются зловещим индикатором данные Всемирной организации здравоохранения о том, что **Россия сейчас – на втором месте в мире по самоубийствам после Литвы** (где, опять же, наши бывшие люди)? На третьем месте – Белоруссия, на четвертом – Эстония, на пятом – Казахстан. Думаю, что там этот процент тоже дают в основном «русскоязычные». **По убийствам мы на четвертом месте** после южно-американских стран (Колумбии, Сальвадора, Бразилии). По данным ООН, мы сейчас на 60-м месте по индексу развития. И в этом прекрасном зале об этом даже не хочется вспоминать.

К чему я это веду? К тому, что **подоплека всех этих выборных кампаний** – это общий неблагоприятный фон, общий плохой социально-психологический климат в стране, поэтому и апатия, и «господин “против всех”» и «господин “пошли вы все подальше”».

Мы снова вступаем в очередной политический кризис доверия к власти. И мне очень импонирует то, что говорил Владимир Павлович Журавлев, – он удивительный человек, государев служащий, который в то же время отстаивает народную политику и понимает простых людей. И дай Бог, чтобы у нас побольше этого понимания было.

Мне кажется, что задуматься надо именно об этих макроявлениях, которые определяют то, что происходит сейчас на ситуативном уровне. Спасибо.

А. М. ЗИМИЧЕВ: У меня небольшая ремарка по поводу «грязных» технологий.

«Грязные» технологии – это когда государство, вернее, люди, которые находятся в ведомствах, законодательных собраниях, принимают законы, которые психологически абсолютно не адекватны реальности. Это страшно. Пример: тот же самый нижний порог явки избирателей, необходимый для того, чтобы признать выборы легитимными.

Вы знаете, что у нас есть и шизофреники, есть и олигофрены, то есть малоумные. Кстати, их никто не лишает права избирать, и они ходят на выборы. Но у нас есть и очень большое количество так называемых «пограничников»: людей психически здоровых, но близких к олигофрениии или к шизофрениии. И таких, по данным разных стран, довольно большое количество. Например, считается, что в Штатах тех и других – по 13-14 процентов (в сумме 26-28 процентов населения), в Германии процент поменьше – по 12-13 (в сумме 24-26 процентов). Но везде и всюду сумма превышает цифру 25 процентов.

Поэтому, если я сориентирую свою предвыборную кампанию на совершенно абсурдную, на глупую для любого здравомыслящего человека идею типа «каждой женщине будет по мужу», олигофрены-женщины пойдут голосовать за меня. Если я всем олигофренам-мужчинам скажу, что у всех будет

14 ноября 2002 года. Выступает А. М. Зимичев.

по пол-литра водки ежедневно, по большому куску колбасы и еще по женщине, только идите, голосуйте за меня, – они пойдут голосовать за меня.

В. Е. СЕМЁНОВ: Некоторые так и делают!

А. М. ЗИМИЧЕВ: Но дело в том, что и других завлечь – тоже нет проблем: создайте какое-то эфемерное будущее со сложным терминологическим аппаратом или, к примеру, предложите создать республику на базе Петербурга. Самое главное, чтобы им показалась ваша идея новой, необычной, им станет любопытно, интересно, и «шизо» тоже пойдут голосовать за вашу идею, за вас.

С психологической точки зрения, это явно «грязные» методы получения голосов. Наверное, имеет смысл пересмотреть вопрос о нижнем пороге явки избирателей. Но это одна сторона медали. Если для того, чтобы выборы были признаны состоявшимися, должно будет прийти не менее 50 процентов избирателей, то избирательные комиссии окажутся в очень тяжелой ситуации, они не проведут ни одних выборов. **Может быть, напомнить всем о том, что каждый гражданин обязан голосовать? А если он обязан, то он уже подумает.**

Я думаю, что те идеи, которые сегодня здесь прозвучали, могут быть аргументированы и оформлены в виде предложений. Спасибо.

А. Л. ВАССОЕВИЧ: Я хочу напомнить, что неудачей закончилась Всероссийская перепись населения. Будем говорить правду: огромное количество наших земляков (а Петербург как-никак – культурная столица России) в переписи населения не участвовало. Это была протестная реакция. Отсюда следует, что мы можем ожидать еще большего отчуждения рядовых граждан от избирательного процесса. **Конечно, их протест будет в чем-то бессмысленным, если просто начнут голосовать против всех или не являться на выборы, потому что все равно те, кто сейчас находится у власти, власть не отдадут.** Не отдадут и все тут! Будут за нее биться всеми силами, применяя такие злонамеренные способы фальсификации выборов, как, например, нелегальное издание избирательных бюллетеней.

И в завершение работы нашего Круглого стола я предоставляю слово Аркадию Юрьевичу Русакову.

ВЕДУЩИЙ СПЕЦИАЛИСТ КОМИТЕТА ПО ПЕЧАТИ И СВЯЗЯМ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ АДМИНИСТРАЦИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА, КАНДИДАТ ФИЛОСОФСКИХ НАУК А. Ю. РУСАКОВ:

Я бы хотел назвать свое выступление «советами постороннего», потому что Комитет по печати и связям с общественностью и городская администрация непосредственно в выборах не участвуют. Наша основная задача – делать все, чтобы выборы в городе состоялись, чтобы 8 декабря необходимый процент избирателей пришел к урнам, проголосовал, и в городе была бы представительная власть. И в этом отношении, помимо тех моментов организационного и юридического плана, о которых уже говорилось, я вижу три основных проблемы.

Первая проблема, на мой взгляд, глобальна, она касается не только нашего города. В большей степени, наверное, это проблема общероссийского масштаба. Она связана с тем, что на сегодняшний день у нас нет базиса для создания идеологии, объединяющей общество. Я не хочу здесь говорить о причинах этого (социально-экономических, социально-политических и так далее), это отдельная тема, но, на мой взгляд, это так.

Именно поэтому вызывают сомнения проекты, предлагающие только путем решения организационных вопросов выстраивать политическую систему, при которой избиратели понимали бы социальную значимость выборов. Мне кажется, эти проекты обязательно должны быть подкреплены и социально-экономическими, и социально-политическими мерами. Соответственно, если мы сейчас примем закон, который будет обязывать наших избирателей ходить на участки, и будем вводить, не дай Бог, какие-то репрессии, я думаю, что мы получим обратный результат. Если мы сейчас увеличим законом плату за жилье в два раза, это не значит, что люди будут платить.

Если затронуть аспект социального и имуще-

14 ноября 2002 года. Выступает А. Ю. Русаков.

ственного расслоения нашего общества, то можно отметить, что в России обеспеченные люди вообще на выборы не ходят. И не потому, что они необразованны или не понимают значимости этого, а потому, что это не престижно, – на выборы ходят, как правило, люди с небольшим достатком. А те тоже ходят с интересной мыслью: «показать им всем козью морду». Мне кажется, есть возможности для того, чтобы решить эту проблему в рамках отдельного региона, но нельзя забывать о том, что все-таки она глобальна.

Вторая проблема связана с недостатком политического опыта. Недостаточно его не только у населения, но и у наших кандидатов, и у наших политтехнологов. Я не имею в виду присутствующих – здесь люди, которые имеют богатейший опыт. Но в целом, исходя из фактического материала, мы видим, что профессионалов мало. Действительно, эти бесчисленные «говорящие головы» в радио- и телевыступлениях кандидатов играют скорее не на выборы, не на то, чтобы избиратель пришел к урнам, а подчас против этого. И не только потому, что это «говорящие головы», а потому, что они говорят неправильно. Элементарный анализ тех выступлений, которые мне удалось посмотреть (на сегодняшний день – порядка пятнадцати), показал, что политической речью эти выступления назвать можно только у двух-трех кандидатов. Все остальное – либо отчеты, пускай даже очень добротные, либо невнятный пересказ своей автобиографии. Здесь есть проблемы, и я соглашусь с профессором Юрьевым, что их действительно надо решать, – может быть, делать акцент на обучении наших профессионалов конкретным технологиям. У нас очень хорошо даются теоретические знания, а вот людей, которые могут грамотно, профессионально составить политическую речь, подготовить печатные материалы, представить необходимые документы для избирательной комиссии, мало. И таких людей нужно готовить.

Третья причина низкой явки – отсутствие политической культуры, причем, не только у общей массы населения, но и у кандидатов в депутаты. В каком плане? Совершенно не учитывается менталитет петербуржцев. Может быть, это вина политтехнологов, которые не могут убедить своих клиентов. Но с другой стороны, наверное, сыграла свою роль и недостаточная работа с кандидатами со стороны официальных структур. Необходимо продумать систему мер, которая бы позволила настроить кандидатов на большую восприимчивость того, что им говорят и что им советуют. Иначе мы и дальше будем лицезреть газеты, листовки, календарики с похожими друг на друга физиономиями кандидатов и невнятными лозунгами. Как правило, это люди не худого телосложения, что также способствует определенному негативному восприятию.

Еще один момент. Все начинают с того, что доказывают, почему плох их оппонент. Это тоже психологическая особенность, которая, на мой взгляд, идет от низкой культуры кандидатов. Кстати, в этом – и корни «черного» пиара. Люди

озабочены не тем, как подать себя, а тем, как очернить своего конкурента.

Здесь уже говорилось о многоликости кандидатов. Даже употреблялся специальный термин. Он – и чтец, и жнец, и на дуде игрец. Сам себе имиджмейкер, пиарщик, финансист и начальник штаба. В результате – у кандидата нет возможности для того, чтобы создать правильный образ и оппонировать соперникам, выбрать какую-то доминанту, основную стезю. Стремление же угодить всем – быть с моряками моряком, с экологами экологом, с молодежью молодым, со спортсменами спортсменом – приводит к размыванию и девальвации образа. И в этом тоже, на мой взгляд, сказывается и уровень общей культуры, и отсутствие подготовленных кадров.

Что на сегодняшний день можно предложить? Решение социально-экономических проблем или совершенствование законодательной базы – это вопросы, требующие для своего решения длительного времени. Мне кажется, для того, чтобы люди шли на избирательные участки, **имеет смысл подумать над эстетизацией самой процедуры выборов.** Конечно, это должно быть проведено в рамках закона. Но делать это нужно обязательно, потому что **эстетизация власти на Руси всегда играла очень важную роль,** и этот фактор остается важным до сих пор.

Что касается обучения, я согласен со всем, что здесь говорилось: необходимо обучать. И такой опыт есть. Когда я еще работал в областном правительстве, в 1997 году, мы проводили трехдневный семинар для кандидатов в депутаты, который действительно им помогал. Политтехнологи, которые были приглашены на семинар, конечно, все тайны не раскрывали, но какую-то информацию кандидаты с этих семинаров выносили и уже более целенаправленно, осмысленно действовали. Я думаю, что этот опыт можно использовать. Спасибо.

В. П. ЖУРАВЛЕВ: Я немного добавлю: тогда мы собрали людей так, что и партии были, и средства массовой информации, и избирательная комиссия, – иными словами, разные участники избирательно-

го процесса встретились вместе и открыто обсуждали между собой эти проблемы. Это было не столкновение, а попытка понять друг друга. Мне кажется, этот опыт можно использовать.

А. Ю. РУСАКОВ: Как правило, семинар проходил в течение двух или трех дней. И большую роль играло то, что люди узнавали друг друга. Они уже меньше использовали неэтичные способы ведения избирательной кампании друг против друга, а это тоже немаловажный фактор коммуникации.

14 ноября 2002 года. А. Л. Вассоевич завершает работу Круглого стола.

А. Л. ВАССОЕВИЧ: Большое спасибо, Аркадий Юрьевич. Вы закончили свое выступление на прекрасной ноте: нужна эстетизация избирательного процесса, ибо «красота...», как мы хорошо знаем со времен Федора Михайловича Достоевского, «...спасет мир» и, стало быть, спасет и наши избирательные кампании. В противном случае народ совсем разуверится во всех демократических процедурах. Скажем правду: сегодня все большему числу людей становится ясно, что в нынешней России **демократия – это власть организованного меньшинства над неорганизованным большинством.**

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ БУДУЩИХ АВТОРОВ

Статьи, присылаемые в адрес редакции для публикации в ВЕСТНИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ, должны соответствовать направленности издания и содержать в себе анализ взаимосвязей между психологическими феноменами и явлениями политической жизни.

Статьи не должны быть опубликованы ранее или находиться в настоящее время на рассмотрении для публикации в другом издании.

Стиль изложения — научно-популярный с минимальным содержанием сложной и сугубо специальной терминологии.

Статьи могут представлять точки зрения авторов, работающих в различных областях науки.

Объем публикации – от 8 до 18 тысяч знаков (не включая названия и сведений об авторе).

Статьи можно присылать по электронной почте: **vestnik@ai4646.spb.edu** или по адресу: **193060, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, 9-й подъезд, ком. 321.** Телефон редакции 110-36-30.

Присылаемые статьи не рецензируются и обратно не возвращаются.

Редакция оставляет за собой право не публиковать статьи без объяснения причин отказа.

РАКИТЯНСКИЙ Николай Митрофанович

О ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ПОРТРЕТИРОВАНИИ

*Об авторе:
Доцент кафедры политической психологии Московского
Государственного университета им. М. В. Ломоносова.
Кандидат психологических наук.*

В любой стране, а в России особенно, практически все значимые политические явления в большей степени зависимы, чем независимы, от психологии верховных правителей, т. к. политика – явление, в первую очередь, психологическое, и она не может существовать без субъекта. Поэтому первопричины политических решений и действий, кроме обстоятельств объективного порядка, надо искать еще и в психологических качествах, в закономерностях психики политических руководителей, в изменениях их психических состояний и свойств из-за нарушений либо внутренней, либо внешней среды.

В России с ее многовековыми традициями авторитаризма личность правителя имеет особое значение, так как у нас до сих пор реально мало что зависит от политических партий, парламента, общественного мнения и других политических и социальных институтов. Поэтому личность политического руководителя в нашей стране еще долго будет вызывать неослабевающий интерес. Этот интерес невозможно удовлетворить без научного изучения личностных качеств политических деятелей и побудительных мотивов их действий.

Известно, что **массовое сознание тяготеет к упрощению исключительно сложной политической реальности**. В отношении политиков ему свойственна редукция, стереотипизация и примитивная оценочность. Научный же подход, развитая политическая рефлексия позволяют адекватно описать политика как целостную личность.

Без знания психологических свойств и качеств руководителя, особенностей и противоречий его личности невозможно понять закономерности его поведения, и, следовательно, невозможен системный анализ его прошлых действий и ошибок, а также прогноз тенденций его поведения в значимых политических ситуациях.

Мы исходим из того, что основным инструментом политического руководителя страны и государства в реализации его планов, замыслов, идей и вожеланий является его *личность*. От действий этого *инструмента*, от уровня гражданской, политической и духовной рефлексии, от соответствия политико-психологических качеств, *масштаба личности* государя масштабу тех политических задач, на реализацию которых он претендует, в значительной, а иногда и в решающей мере зависят результаты его правления.

Важным методом изучения личности политического деятеля является **метод построения психологического портрета – психологическое портретирование**. Круг потребителей аналитической продукции психологов, которой можно дать общее название «психологический портрет», сегодня весьма широк. К ее использованию прибегают не только субъекты политического процесса, хозяйствующие субъекты, но и дипломаты, военные, криминалисты, прокурорские работники, спецслужбы и т. д.

Интересно отметить, что психологический портрет как таковой имеет в России более чем вековую историю. Этот жанр в нашей стране был намечен еще В. О. Ключевским. В конце XIX – начале XX вв. замечательный русский ученый профессор П. И. Ковалевский публикует психологические портреты Ивана Грозного, Петра I, Петра III, Павла I, генералиссимуса Суворова и многих других. Профессор В. Ф. Чиж дает яркие психологические портреты императора Павла I, А. Аракчеева, архимандрита Фотия Спасского. Несколько позже, в 20-е годы, Г. И. Чулков выпускает в свет книгу «*Мятежники 1825 года*», содержащую восемь психологических портретов деятелей декабристского движения, а в книге «*Императоры*» объединяет психологические портреты пяти русских царей – от Павла I до Александра III.

Но в течение многих десятилетий – с середины 20-х и практически до конца 80-х годов прошлого века – психологические исследования политических явлений не проводились. Если они и были, то носили весьма узкий характер. Россия на десятилетия оказалась единственной страной, не имеющей профессиональных психологических биографий своих руководителей.

Лишь в начале 80-х годов последовал заказ политическим психологам на психологический портрет Рональда Рейгана. Подготовленный портрет позволил оценить сильные и слабые человеческие стороны американского президента. Такая работа потребовала отказа от записок в стиле агитпропа и прорисовки нюансов личности и поведения Рейгана. С этого момента руководители Советского Союза стали постоянными заказчиками психологических портретов американских политиков. Такие исследования проводились специалистами из Института США и Канады АН СССР, НИИ проблем укрепления законности и правопорядка и других научных учреждений. Объединяло эти работы стремление советских лидеров **получить информацию о личности политического партнера для наиболее эффективного взаимодействия с ним.**

В научном сообществе страны развивались *методы психологического анализа личности политических деятелей*. Эти методы позволяли оценить их без непосредственного вступления в контакт. Использовались не только модификации психобиографии. Политические психологи активно работали с методами анализа текстов речей и документов, исходящих от политика. Ими был создан ряд оригинальных технологий, позволяющих оценить личность политика по видеозаписям, определить его характер по употребляемым лексическим формам.

Изучение личностных особенностей ведущих политических деятелей России дает возможность *выявлять* их психологические качества, позволяет *распознавать* (диагностировать)¹ и *прогнозировать* их политическое поведение. Это особенно важно и актуально в нашей непредсказуемой стране. Интерес к результатам политико-психологического портретирования не ослабевает даже с учетом того, что *диапазон достоверности* психологического диагноза может быть весьма узок, а *прогностический эффект* может быть с точностью «до наоборот», зачастую принимая откровенно спекулятивный характер.

Вместе с тем, без попыток реального, научно обоснованного изучения психологических особенностей политика невозможно понять *закономерности его поведения*. Следовательно, невозможен *прогноз тенденций* его политического поведения в значимых для нашей страны и общества ситуациях.

Проблема психологического изучения личности политического деятеля – одна из наиболее сложных проблем. Эта сложность усугубляется множественной детерминацией, идеологизированностью оценок личностей политиков, мифологизацией, а иногда и мистификацией их деятельности. Эта

проблема усложняется практикой использования в политической жизни страны различных методов манипулирования общественным сознанием. Методов, которые психологи называют приемами **тайного принуждения, или рефлексивным управлением**².

Проблема еще и в том, что личность политика в реальной жизни – практически *недоступный объект* для непосредственного инструментального психологического изучения. Политики не любят и опасаются психологической диагностики, не желают, чтобы их обследовали. Более того, многие из них боятся объективного взгляда на себя. Они не заинтересованы в том, чтобы информация об их психологическом статусе и личностных особенностях, о сильных и слабых сторонах стала достоянием других. При этом они справедливо полагают, что эта информация может быть использована им во вред.

Вместе с тем, несомненно полезна психологическая диагностика для самих политиков. Современное общество предполагает пристальное внимание граждан к фигурам представителей властных элит, требует относительной прозрачности их профессиональной деятельности. Опубликование такого рода исследований приучает политические элиты к тому, что они – не только особая каста, а члены общества, которые осуществляют политический менеджмент. Именно по этой причине они вызывают повышенный интерес граждан. Значительная часть жизни представителей политических элит проходит на виду у всей страны. И не только уже привычное око СМИ вторгается в их жизнь – они сами становятся объектом научного «препарирования».

В принципе, большое разнообразие поведения политиков может быть описано и объяснено при помощи довольно ограниченного числа основных свойств личности – неких психологических инвариантов, например таких, как «Я-образ», мотивы и потребности, влияющие на политическое поведение; система политических убеждений; особенности мышления; стиль принятия политических решений; стиль руководства; стиль межличностных отношений; устойчивость к стрессу и т. д.

Психологическое портретирование политика, *распознавание* его реального образа осуществляется в большинстве случаев заочно, опосредованно – **методами дистанционного анализа**³.

² Рефлексивное управление определяется как процесс передачи оснований для принятия решения одним из персонажей другому. Это передача оснований, из которых выводится предопределенное решение. Рефлексивное управление – это целенаправленное воздействие на экран сознания. Цели и способы могут быть произвольными. Любые «обманные движения», провокации, интриги, маскировки, создание ложных объектов представляют собой рефлексивное управление. Это управление не за счет прямого навязывания противнику своей воли, а за счет передачи ему оснований, из которых тот как бы дедуктивно выведет предопределенное другим противником решение. См.: Лефевр В. А. Конфликтующие структуры. Изд. второе, перераб. и доп. М.: Советское радио, 1973; Лефевр В. А. Формула человека: Контуры фундаментальной психологии. М.: Прогресс, 1991.

³ Ракитянский Н. М. Семнадцать мгновений демократии. Лидеры России глазами политического психолога. М.: Столичный град, 2001.

¹ Ракитянский Н. М. Проблема психодиагностики российских политиков // Общественные науки и современность, № 6, 1995.

Набор методов *дистанционной диагностики* включает в себя метод наблюдения, метод обобщения независимых экспертных оценок и характеристик, анализ истории развития личности (психобиография), анализ результатов деятельности (различного рода публикации, выступлений и т. д.), психосоматологический анализ и т. д.

В качестве основного используется метод наблюдения и так называемая *безбланковая* диагностика, когда исследователь работает с параметрами классических тестовых методик, но добывает эмпирический материал без бланков, посредством наблюдения, экспертных оценок и других доступных процедур. Такая диагностика требует большого опыта и высокого мастерства специалиста. Для анализа и обобщений широко привлекаются также публицистические материалы, данные социологических опросов и другие формы сбора данных.

Все эти методы применяются в реализации двух основных методологий исследования личности политика: **подхода, ориентированного на выделение черт личности политика, и типологического подхода**. Каждая методология по-своему решает проблему адекватности при описании конкретного субъекта политики.

Подход, ориентированный на выделение черт личности политика, предполагает существование набора базисных качеств – т. н. *психологических черт личности*. Эти черты методами лингвистического и математического анализа (факторизации) объединяются в *факторы*. Полученные личностные *черты-факторы* имеют важное *диагностическое* и *прогностическое* значение для оценки поведения политика.

Психологи-практики используют набор примерно из 20-ти *черт-факторов*. Назовем лишь *некоторые* из них. В число наиболее *прогностически значимых* входит такая *черта-фактор*, как **эмоциональный статус**. *Эмоциональный статус* определяет уровень *эмоциональной зрелости* политика, его способность управлять своими эмоциями, чувствами, настроениями, желаниями и страстями. **Эмоциональная зрелость** проявляется в способности направлять свои чувства и желания в конструктивное русло, контролировать внутренние напряжения, в умении подчинить свои эмоции достижению цели, способности разобраться в себе и своих чувствах. Высокие оценки по этому фактору имеют такие политики, как В. Геращенко, Ю. Лужков, Е. Примаков, М. Шаймиев, В. Путин.

Эмоциональный статус политика связан с его «Я-образом» («Я-концепцией»), они находятся в прямой и жесткой зависимости: цельный, развитый, дифференцированный самообраз предполагает высокий эмоциональный статус лидера. Знание реального «Я-образа» имеет *прогностическое* значение. Политический лидер в любой ситуации, за редким исключением, ведет себя в соответствии с собственным «Я-образом».

К **эмоциональной незрелости (инфантильности)** восходят такие крайне нежелательные для политика черты, как неуравновешенность, непредсказуемость, амбициозность, капризность, потворство

желаниям, неадекватная оценка реальности, зависимость от окружения и т. д.

Психологи считают, что, например, **деспотизм и жестокость являются осевым проявлением эмоционального инфантилизма**⁴. Одно из самых памятных проявлений эмоционального инфантилизма власти в варианте «жестокости» произошло в 1992 году, когда правительство молодых реформаторов Егора Гайдара проводило свои реформы большевистскими методами. Можно в этой связи вспомнить и другие проявления инфантилизма и жестокости власти. Например, мы можем задать себе вопрос: насколько чеченская трагедия изначально обусловлена политикой, а насколько – инфантилизмом операторов власти.

Другие *черты-факторы* не менее значимы в качестве психодиагностического инструмента для системного анализа личности политика. В ряду ключевых факторов можно назвать **волевой статус** политика. Он является одним из наиболее влиятельных психологических механизмов. На нем основано воздействие лидера на своих последователей⁵.

Фактор Маккиавелли. Он характеризует **социальный интеллект** политика, его дипломатические способности, уровень психологической проницательности, способность адекватно оценить партнера, способность быть оператором рефлексивного управления партнером и оппонентом. Высокие баллы по этому фактору имеют такие политики, как А. Волошин, А. Чубайс, В. Геращенко.

Черта, известная как фактор **экстраверсии-интроверсии**. С его помощью можно довольно точно определить информационно-энергетические характеристики политика, некоторые интеллектуальные особенности, гибкость или жесткость в принятии решений, его стрессоустойчивость, особенности общения с близким и дальним окружением. В политической истории нашей страны *экстравертами* были: Ленин, Троцкий, Бухарин, Хрущев, Горбачев, Ельцин (американцы: Эйзенхауэр, Кеннеди, Рейган, Клинтон). *Интровертами*: Николай II, Дзержинский, Молотов, Суслов, Андропов, Косыгин, Черненко (в США: Никсон, Форд, Картер).

Наряду с активным применением методологического подхода с позиций *черт-факторов* активно используется **типологический подход**. При типологическом подходе исходят из постулата, что *тип личности политика является целостным образованием*. Он не сводится к комбинации отдельных личностных черт-факторов. Этот подход ориентирован на выделение типов личности политических лидеров и представляет собой группировку их типов. Любая психологическая типология политических деятелей определяется *целями и задачами* проводимого исследования. Поэтому количество психологических типов политиков зависит от того, сколько

⁴ Кемпинский А. Психопатология власти. В кн.: Экзистенциальная психиатрия. М.: Совершенство, 1998. с. 33 – 58.

⁵ Шестопап Е. Психологический профиль российской политики 1990-х годов. Теоретические и прикладные проблемы политической психологии. М.: Российская политическая энциклопедия, 2000. с. 211.

задач ставится перед исследователями-психологами. Способность психолога ориентироваться в многочисленных типологических концепциях, где каждый тип обладает своей *областью адекватности*, усиливает диагностические возможности исследователя, в частности, за счет сокращения *ошибок по неведению*.

В качестве примера типологии рассмотрим типы политиков, которых мы можем, вслед за Ю. М. Лотманом, назвать политиками *семиотической* и *семантической* доминант. Этим типам соответствуют определенные клише сознания и политического поведения.

Семиотический тип политика ориентирован на игру знаками и виртуальными образами. Такими образами, как коммунистическое общество, развитой социализм, перестройка, ускорение, общечеловеческие ценности (М. Горбачев). Или – свобода, демократия, рыночная экономика, гражданское общество и т. д. (Б. Ельцин). **Семантический тип политика** ориентирован на взаимодействие с реальностью. Для него характерно потребление и производство строгой информации. Эта информация адекватно отражает политическую реальность, она соотносима с технологиями практического действия. Лидерам такого типа необходима выверенная информация, отражающая реальный опыт и переводимая на язык технологий и решений (князь А. М. Горчаков, Ф. Рузвельт, И. Сталин).

Напротив, деятельность, характерная для политика *семиотической* доминанты, все больше насыщается неопределенными образами и текстами, ведет к виртуализации сознания. У этих политиков соответствующие знаки и символы отрываются от реальной жизни. Они становятся источником небезопасного политического прожектерства. Поэтому проблемы этих политиков, вопреки тому, что обычно о них думают, связаны не только с утратой национальной культурной идентичности, но и с утратой чувства реальности.

У отдельных представителей элитных кругов наблюдается наивысший уровень соответствия *знака и значения, означающего и обозначаемого*. Это редкий случай. Поэтому сознание и поведение этих политиков отличается большей адекватностью и рациональностью.

А. С. Панарин предполагает, что в ответ на крайности нынешней фазы **предельной десемантизации и манипулятивной игры** знаками в скором будущем заявит о себе фаза, отмеченная жесткими привязками знаков и мерами, направленными на восстановление прав реальности и прав опыта⁶.

Другой вариант типологии политических лидеров выделяет **политиков радикальной и центристской доминант**. С точки зрения психолога, тип политического *центриста* и тип политического *радикала* – это полюса некоторого инвариантного континуума. Человечеству как виду для выживания требуется определенное разнообразие психологических типов, которое обозначается с помощью понятия *психоце-*

*ноз*⁷. В этом контексте *центрист* и *радикал* являются определенными типами поведения. Они проявляются не только в политике, но в любой сфере жизнедеятельности.

Центриста можно определить как наиболее дефицитный в нашей стране тип личности. Он характеризуется высокой способностью «*экранировать*» и гасить деструктивные эмоции.

Радикал представляет собой личностный тип прямого, непосредственного реагирования: на вызов он отвечает вызовом, на обиду – «*стратегией массированного возмездия*». **Радикал** эгоистичен и разрушителен, у него преобладает мотив достижения любой ценой. В этом смысле он органично вписывается в современную либеральную концепцию «*морали успеха*». Такая мораль, связанная с максималистской достижительностью, означает ослабление нормативных начал нравственности и возвращение в доцивилизованное состояние.

Скольжение в такое состояние мы наблюдаем в современной России. Если засилье достигательно-эгоистического радикализма не будет преодолено, обществу угрожает развал. Поэтому мы говорим о высокой востребованности альтернативного типа личности, причем не только в политике. Таким типом и является политик *центристской* доминанты. Ему свойственен не одновариантный, а смешанный тип реагирования: мотив избегания неуспеха вместе с мотивом достижения. В политике – это лидер, умеющий оценить всю сложность ситуации, среагировать на противоположные импульсы, вместо того чтобы просто следовать одной доминанте.

Центрист – это сложный тип личности, сочетающий высокий волевой статус с ответственностью и отзывчивостью. В этом смысле он психологически нередко работает на саморазрушение: вместо того, чтобы выталкивать отрицательные импульсы вовне, он гасит их в себе. Вопреки современной апологетике «*естественного эгоизма*», *центристы* выводят нас из естественного состояния в культурное, цивилизационное. Но это – крайне затратная миссия, саморазрушительная стратегия поведения. Вот почему соматическая патология нередко является логическим завершением деятельности *центриста*.

В противоположность этому, **радикалы** эксплуатируют сильные, но грубые эмоции. **Радикал** самоуверен и монологичен. Политический облик типа *радикальной* доминанты коррелирует с такими психологическими качествами, как импульсивность, жесткость, воинствующий индивидуализм и высокий уровень узконаправленной психофизиологической энергии. В политическом контексте политик *радикального* типа чувствует и воспринимает преимущественно его «*энергетические*», а не «*информационные*» свойства. Он *импульсивен*, а не *рефлексивен*. Одна из дисгармоний человеческой природы состоит в том, что **радикалы** в социальном плане более *заразительны*: они обладают

⁶ Панарин А. С. Глобальное информационное общество: вызовы и ответы // Власть, № 1, 2001.

⁷ Юрьев А. И. Системное описание политической психологии. СПб., 1996.

яркой психологической экспрессией. В этом – один из секретов их катастрофического успеха в политике.

Каждая из двух психодиагностических методологий – подход с позиций черт и типологический подход – дает определенную возможность прогнозировать поведение тех политических лидеров, у которых можно выявить те или иные черты или обнаружить соответствие тому или другому психологическому типу.

Эти два подхода объединяет в себе метод психологического портретирования или метод психологического портрета. Психологический портрет строится на основании двух принципов. **Первый принцип – субординационный, или иерархический**, в соответствии с которым более сложные и более общие свойства личности политика подчиняют себе частные социальные и психофизиологические свойства. **Второй принцип – координационный**. В соответствии с ним, взаимодействие личностных свойств осуществляется на паритетных началах, допускающих ряд степеней свободы для коррелируемых свойств, т. е. относительную автономию каждого из них⁸.

Создание моделей целостной характеристики личности методом психологического портретирования является актуальной задачей для психологической науки в настоящее время не только в нашей стране, но и за рубежом. Это обусловлено необходимостью решения как теоретических, так и, в значительной мере, прикладных проблем. Так, в американской политической психологии выделяется внушительная группа исследований, на основе которых, как отмечает Е. В. Егорова, американские ученые пытаются создать «более или менее цельный портрет политического лидера, в котором учитывались бы не только его личностные характеристики, но и его интересы, убеждения, влияния среды»⁹. В рамках этих исследований создаются психобиографии конкретных лиц. Т. е. применяется психобиографический метод, который включает такие методы, как вопросники, интервью, наблюдение, контент-анализ, изучение биографических данных.

В этом контексте отметим общие с отечественной психологией тенденции. Во-первых, *прикладная направленность* исследований и *комплексность* создаваемых портретов. Во-вторых, *использование системы методов* получения и обработки данных, необходимых для создания целостного портрета изучаемого человека. В-третьих, создаваемые портреты являются результатом применения и дальнейшего развития психобиографического метода.

Интересные с точки зрения практической значимости рассматриваемой темы примеры приводят М. М. Коченов и С. А. Модестов. Так, доктор психологических наук М. М. Коченов выполнял

вместе со своим коллегой профессором А. Р. Ратиновым¹⁰ специальные заказы МИДа СССР по составлению психологических портретов лидеров иностранных государств. Он считает, что «**психологические портреты лидеров государств – особый вид искусства из арсенала всех разведок мира**»¹¹. По данным С. А. Модестова, «возможно, наиболее интересный опыт накоплен в этой области в американских спецслужбах, и прежде всего, в ЦРУ»¹². Этой работой в ЦРУ занимаются «специалисты особого рода». В экспертные группы входят квалифицированные психологи, психиатры, политологи, историки, культурологи и антропологи. В отличие от обычных психологов, им приходится иметь дело со своими объектами *заочно*. Это лишает их такого мощного средства психодиагностики, как тестовые методики. Для опосредованного, *дистанционного психологического диагностирования*¹³ используются вторичные источники, проливающие свет на прошлую жизнь объекта. Восстанавливаются все его прежние связи, интервьюируются знавшие его люди, изучаются все доступные тексты, анализируются мотивы, движущие деятелем, попавшим «под колпак ЦРУ». В итоге появляется *психологический портрет* конкретного человека. С помощью этого портрета должностные лица (политики, дипломаты, военные, разведчики, контрразведчики и т. д.) заранее знакомятся с тем, с кем им придется иметь дело, например, вести переговоры. Они выбирают оптимальную тактику их ведения, пытаются понять возможные «домашние заготовки» своего партнера, *спрогнозировать* его линию поведения. Наконец, отработывают стратегию и тактику *рефлексивного управления* объектом своего интереса.

Вместе с тем, как отмечает С. Модестов, практикуемый американскими специалистами метод психологического анализа личности в применении к конкретным лицам имеет существенные ограничения. По его мнению, он неоправданно упрощает личность изучаемого лица, сводит ее к структуре, понятной исследователям, но отнюдь не исчерпывающей всю ее полноту. Опыт применения метода психологического портрета американскими спецслужбами далеко не всегда положительный. В качестве «провального» примера Модестов приводит скандально известный психологический портрет гаитянского лидера Ж. Аристида.

Тем не менее, в ЦРУ эти исследования продол-

¹⁰ Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. М., 1967.

¹¹ Коченов М. М. Портреты вождей и преступников // Известия. 25.12.1997.

¹² Модестов С. Возможные кандидаты в президенты России уже «под колпаком». Внимательнее других их изучает разведка США // Независимая газета. 06.04.1996.

¹³ Hermann M. Assessing personality at a distance: A profile of Ronald Reagan. Quart. Report. The Ohio State Univ., 1983, Spring, Vol. 7, No 6; Winter D., Hermann M., Weintraub W., Walker S. The personalities of Bush and Gorbachev measured at a distance: Procedures, portraits, and policy. Political Psychology, 1991, vol. 12, pp. 215 – 247.

⁸ Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. М.: Наука, 2000, с. 229.

⁹ Егорова Е. В. Прикладные исследования американской политической психологией роли личности буржуазного политического лидера во внешней политике // Прикладные проблемы социальной психологии. М., 1983. с. 44.

жаются. Из современных лидеров наиболее подробно анализировались личности Ф. Кастро, С. Хусейна, М. Каддафи, С. Милошевича, Х. Рафсаджани, а также руководителей государств, правительств и неформальных объединений десятков государств мира. Аналогичные работы развернуты и в Разведывательном управлении Министерства обороны США (РУМО). Особенно активно психобиографическая портретная галерея стала пополняться государственными и политическими деятелями нашей страны. Наиболее детально в свое время был проработан портрет Никиты Хрущева. Подробно анализировались все члены брежневского политбюро. Потом последовали портреты Николая Тихонова, Михаила Горбачева, Бориса Ельцина. Последним лично занимался руководитель этих работ Джерролд Пост – психиатр, окончивший Гарвардский и Йельский университеты и школу Джона Хопкинса. В настоящее время он руководит программой политической психологии в университете Джорджа Вашингтона¹⁴.

В последнее время методы изучения персоналий в ЦРУ существенно обогатились за счет внедрения *психолингвистических* подходов, *контент-анализа* наличных текстов с помощью ЭВМ. Получаемые представления стали системными и более объективными.

По мнению ведущего аналитика речевого поведения политических лидеров Д. Уинтера (Мичиганский университет), частотный анализ личностных тезаурусов, характерной для данного индивидуума модальности речи, ее насыщенности личными местоимениями и другие способы формализации исследовательских процедур позволяют отделить их от личных пристрастий экспертов. Накапливается обширная документографическая база данных, содержащая тексты, принадлежащие перу ведущих российских политиков.

Как считает Т. Оумстэд, работа над портретами иностранных политических лидеров должна вестись открыто. Тогда, по его словам, можно надеяться на то, что столь часто совершаемые ошибки психологов из ЦРУ или РУМО будут вовремя обнаружены и исправлены¹⁵.

Психологический портрет является одним из ведущих методов изучения личности политического деятеля и представляет собой способ целостного описания *психологических* характеристик, *объективных* социальных и биологических качеств политических лидеров.

Этот метод является инструментом системной *интерпретации* полученных данных о конкретном политике и *описания* их в виде целостной *системы взаимосвязанных конструкторов*. В реальной практике процесс составления психологического портрета политика представляет собой последовательное

выдвижение ряда *диагностических гипотез (диагноз-гипотез)* с последующей их *верификацией*. Подготовленный таким образом психологический портрет имеет вероятностный характер. Он, по сути, представляет собой *диагноз-гипотезу*, которая на момент составления способствует решению конкретных задач.

Психологический портрет строится по параметрам личности лидера, наиболее важным **для понимания и опережающего распознавания его политического поведения**. При этом политическими психологами могут решаться различные задачи, например такие, как:

- *выяснение* возможности сотрудничества с политиком, *выявление* и *устранение* предпосылок к конфронтационному взаимодействию с ним;
- *определение* факторов, способствующих установлению и развитию контактов с политиком, и факторов, затрудняющих развитие контактов с ним;
- *анализ* психологических качеств лидера, способствующих его политическому успеху;
- *изучение* особенностей, затрудняющих его политическое развитие;
- *разработка* алгоритмов рефлексивного взаимодействия с политиком, *установление* диапазона возможностей рефлексивного взаимодействия.

Важной задачей является и выявление деструктивных потенциалов того или иного лидера¹⁶.

Последнее десятилетие было временем активного развития методов психодиагностики политических лидеров. В настоящее время подходы практикующих психологов к портретной диагностике отличаются плюрализмом и методологической терпимостью. Вместе с тем, разнообразие методологий, иногда откровенно спекулятивных, а также языков и форм портретирования приводит к появлению большого количества описаний различного качества, иногда весьма сомнительного. Представляется, что профессионально подготовленные политико-психологические портреты должны быть сравнимы и сопоставимы. Они должны быть компактными и удобными для практического использования в условиях ресурсного и временно-го дефицита¹⁷.

В обозримом будущем метод психологического портрета будет применяться **для решения диагностических и прогностических задач, для решения задач рефлексивного управления** различными политическими субъектами. Важнейшей является задача **противодействия рефлексивному управлению**. Метод психологического портрета является важным инструментом политико-психологического анализа в системе методологий и методов политического анализа.

¹⁴ Post J. Personality types political decision-making: Bridging troubled waters. Paper. Wash. George Washington Univ., 1991; Post J. Effects of crisis induced stress on decision in a nuclear environment. Paper. Wash. George Washington Univ., 1991.

¹⁵ Модестов С. Возможные кандидаты в президенты России уже «под колпаком». Внимательнее других их изучает разведка США // Независимая газета. 06.04.1996.

¹⁶ Ракитянский Н. М. Метод построения социально-психологического портрета политика, его место, роль и значение в обеспечении деятельности политических субъектов // Информационно-психологическая безопасность избирательных кампаний (материалы конференции). Под ред. Брушлинского А. В. и Лепского В. Е. Российская академия наук. Институт психологии. Москва, 1999, с. 56 – 58.

¹⁷ Ракитянский Н. М. Структура психологического портрета политика // Власть, № 11, 2000.

МЕЗЕНЦЕВ Дмитрий Федорович

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ФАНТОМ СВЕРГАЕТ ЧЕТВЕРТУЮ РЕСПУБЛИКУ ВО ФРАНЦИИ.

Об авторе:

*Председатель Комиссии по информационной политике
Совета Федерации Федерального Собрания РФ.*

*Заместитель председателя Совета Центра
Стратегических Разработок (Москва).*

Кандидат психологических наук.

В истории XX века трудно найти более яркий и убедительный пример воздействия информационных фантомов¹ не просто на общественное мнение, но и на развитие конкретной общественно-политической ситуации, чем события весны 1958 г. во Франции, которые в конечном итоге привели к падению режима Четвертой республики.

Исходным моментом кризиса республиканского строя в стране стало сложившееся у части правых кругов, тесно связанных с армией, убеждение в неэффективности многопартийной парламентской республики с точки зрения отстаивания государственного величия Франции. В этих условиях формировалась политическая установка на ликвидацию прежней республики и установление в стране режима личной власти, свободного и от влияния политических партий с их узкими интересами, и от контроля как парламента, так и общества. В качестве единственно возможного носителя авторитарной власти, будущего «национального арбитра» рассматривался наиболее авторитарный деятель правого лагеря, находившийся в тот момент «не у дел» генерал Шарль де Голль.

Хотя неудачная колониальная война в Алжире и создавала заметную внутреннюю напряженность во французском обществе, широкого политического кризиса в стране не было – четвертая республика пользовалась поддержкой подавляющего большинства своих граждан. Первоначально установка на смену политического режима не была господствующей даже в рядах вооруженных сил: значительная их часть была вполне лояльна к властям республики. В подобной ситуации попытка осуще-

ствить смену режима путем открытого переворота стала бы опасной авантюрой, чреватой тяжелыми последствиями не только для ее инициаторов.

Понимая сложность своего положения, сторонники де Голля пошли по пути организации политико-психологического давления на тогдашний республиканский строй. Кризис начался 13 мая 1958 г., когда была организована инсценировка путча колониальной армии в Алжире против правительства метрополии, что должно было создать в обществе угрозу гражданской войны. В многочисленных исследованиях, посвященных данному вопросу, убедительно доказывалось, что это была именно имитация путча с целью шантажа общества: у алжирских заговорщиков не было реальных сил организовать бросок на Париж с целью свержения республики, а среди высшего командования метрополии далеко не все сочувствовали их планам. Вообще, алжирский путч, как и сопутствовавшие ему события в стране, носил во многом фарсовый характер. Однако он был использован правыми политическими кругами и, что особенно важно, подавляющей частью французской печати, связанной в основном с правыми, для создания и стремительного внедрения в умы миллионов французов грандиозного информационного фантома – представления о том, что Франция глубоко расколота, стоит на пороге гражданской войны и лишь приход к власти «национального арбитра», стоящего «над партиями» и их политическими страстями, – генерала де Голля – может еще спасти страну.

Безусловно, кризис Четвертой республики имел глубокие политические причины, связанные с неудовлетворенностью как правящих кругов страны, так и значительной части общества положением Франции в 50-е годы. Утрата Францией, по мнению большей части общества, прежнего статуса одной из великих мировых держав, постепенный распад колониальной империи, сопровождавшийся болезненными

¹ Информационный фантом – совокупность достоверной, недостоверной и/или заведомо неполной информации, используемой как инструмент формирования требуемых социальных и политических установок. См: Мезенцев Д. Ф. Психологическое воздействие информационных фантомов // Вестник политической психологии, № 1, 2002.

для национального престижа поражениями, вовлечение Франции в орбиту американской гегемонии в Северо-Атлантическом блоке – все это серьезно травмировало французское общество, создавая **психологические предпосылки политического кризиса**.

Главным толчком к появлению этих предпосылок явилась начавшаяся в ноябре 1954 года **тяжелая и затяжная война в Алжире**, важнейшей французской колонии, имевшей большое значение в глазах общественного мнения страны. Хотя сменявшие друг друга республиканские правительства были полны решимости удержать Алжир, доведя к 1957 году численности действовавшей там армии до 400 тыс. человек, перелома в войне достичь так и не удалось, а ее человеческие и материальные издержки становились для страны с каждым годом все тяжелее, создавая ощущение гнетущего тупика в алжирской проблеме.

С точки зрения правых кругов, достижению победы мешала все более очевидная слабость Четвертой республики, не способной к эффективному ведению войны, зависимой от постоянно менявшегося большинства в Национальном Собрании (которое, к тому же, почти на одну четверть состояло из депутатов-коммунистов). У правых все большую популярность приобретала **идея перехода Франции к авторитарному политическому режиму**, свободному от влияния парламентских партий.

Планы смены политического режима имели большое число сторонников не только в правых партиях Франции, но и в вооруженных силах, и в самой властной элите страны, включая Президента республики Р. Коти, который неоднократно, хотя и в осторожных выражениях, высказывался за пересмотр конституции с целью создания государства «сильной власти». Зондаж позиции Ш. де Голля, осуществляемый инициаторами переворота, привел их к выводу, что генерал готов взять на себя ответственность за судьбу Франции, но только не в рамках существующего парламентского строя Четвертой республики: предварительным условием своего прихода к власти он ставил получение **права на изменение основ этого строя**. ореол национального героя, окружавший де Голля – лидера французского Сопротивления в годы Второй мировой войны – и превращавший его в своего рода «национальный миф», подчеркнутая дистанцированность от суевы текущей политической борьбы наряду с общественной приверженностью «величию Франции» делали его единственно возможной в тех условиях фигурой для осуществления столь масштабной задачи.

Психологическое наступление на режим Четвертой республики началось 27 марта 1958 года встречей Ш. де Голля с членами Комитета действий национальных ассоциаций бывших военнослужащих (КААНАК) – одной из продеголлевиских организаций. В опубликованном сообщении говорилось, что генерал подверг политические институты страны резкой критике и заявил, что «под давлением событий и прогрессирующего паралича существующего режима он, не испытывая особого желания, тем не менее не откажется от ответственности и мог бы взять в свои руки судьбы нации»². Это стало сигналом к **развертыванию широкомасштаб-**

ной кампании **за возвращение «символа отечества» к власти**: организуются манифестации, пока еще не столь многочисленные, в Елисейский дворец приходят письма с требованиями типа «На краю пропасти не ждите дальше, чтобы призвать генерала де Голля». С апреля 1958 года во многих французских городах появляется лозунг «Призовем де Голля, и Франция станет Францией».

Для появления во Франции чрезвычайного правительства требовалось **искусственное создание в стране чрезвычайного положения**, при котором любые меры могли представляться оправданными, и, как явствует из многих относящихся к тем дням свидетельств, предпочтением было отдано «фантомному» варианту.

Предпочтительность «переворота-фантома» объяснялась еще и тем, что, несмотря на интенсивную работу сторонников смены режима, обладавших достаточно сильными позициями в армии (их поддерживал даже начальник Генерального штаба Эли), полной уверенности в готовности вооруженных сил выступить против республики ни у кого из них не было. Им удалось заручиться содействием ряда командующих военными округами и отдельными частями (особенно в элитных войсках, например, среди знаменитых парашютистов и в Алжире), но основная масса армии была вполне лояльна к республиканскому строю и отрицательно настроена к возможному (в случае переворота) началу гражданской войны. Все это склоняло заговорщиков (из числа военных) к идее ограничиться выбором «мини-путча» в качестве инструмента политического шантажа, причем не в самой метрополии, а в Алжире, где они пользовались гораздо большим влиянием, а затем с помощью разветвленной политической клиентуры и средств массовой информации **развернуть** в самой Франции **кампанию массированного психологического давления на правительство и Национальное собрание**, используя угрозу «броска на Париж» и развязывания гражданской войны. Именно этот сценарий и был реализован в стране после 13 мая 1958 года, когда механизм смены режима был приведен в действие. Суть механизма состояла в организации одновременных выступлений против республики в Париже и Алжире, что положило начало открытому политическому кризису.

Вот как описывает тот майский день Г. М. Ратиани, бывший непосредственным очевидцем тех событий, в своей книге³: *«Над Бурбонским дворцом висят полицейские вертолеты. Темно-синие автобусы полиции закрывают вид на мост Согласия. В Национальном собрании заседание прервано. В маленьком дворике между чугунной оградой, выходящей на набережную Орсей, и подъездом, ведущим в вестибюль парламента, собралось уже сотни полторы журналистов, депутатов, служащих Национального собрания. Каждый спрашивает, что происходит. Старый швейцар, проверяющий пропуск у входа, объясняет, что полиция сдерживает манифестантов на мосту Согласия. «Точно так было в 1934 году», – равнодушно поясняет он».*

Как выяснилось вскоре, манифестантов, бесновавшихся часа полтора и подогревавших себя криками: «Депутатов – на виселицу, генералов – к

² Ferniot J. De Gaulle et le 13 mai. Paris, 1965, p. 174-175.

³ Ратиани Г. М. Франция: судьба двух республик. М., 1980.

власти, долой республику!», набралось не более двух тысяч. Чтобы разогнать их, полиции не требовалось и десяти минут. И хотя их беспрепятственно пропустили до самого моста Согласия, внушительного зрелища все же не получилось. Пройдя через весь центр столицы, они нигде, даже в богатых кварталах, не пополнили своих рядов, вызывая лишь любопытство прохожих.

Значительно успешнее действовала полиция. Даже при такой хилой манифестации шум вертолетов, вой полицейских сирен, темная масса жандармских автобусов, каски и длинные дубинки, загадочные маневры проходящих шеренгами полицейских – вся эта декорация в какой-то степени восполняла жалкий водевиль антипарламентской манифестации. Подобные действия полиции продолжались еще более двух недель по всему Парижу. Предназначенные якобы для защиты парижан от воображаемого противника, они **представляли собой настоящую психическую атаку.**

Почти в тот же момент, когда полиция «самоотверженно защищала» парламент на мосту Согласия, мешая мирным конторским служащим и продавцам модных магазинов вовремя вернуться с работы домой, на ленте телетайпов, установленных в зале «Потерянных шагов» Бурбонского дворца, появились первые тревожные сообщения о проходящих в Алжире шовинистических манифестациях.

В алжирской столице в роли «народа» выступали, под охраной парашютистов, сынки богатых европейцев, поощряемые своими умиленными мамашами и папашами, люди, обманутые шовинистической и расистской пропагандой, а также своеобразный слой «люмпенов» европейского происхождения – людей без определенных занятий, которые были неотъемлемой частью этого большого портового города. «Золотая молодежь» имела своего вожда – бородатого вечного студента Лагайяра, крикуна и дебошира студенческих собраний и «патриотических» манифестаций. **Большого труда стоило внушить** этой молодежи, что она должна поднять восстание, ибо участники манифестации никак не могли понять, **против кого же им надо восставать.**

Поль Жерен – журналист из крайне правой парижской газеты «Париж-пресс-энтрансжан», которую никак нельзя заподозрить в критическом отношении к участникам мятежа 13 мая, горячий сторонник «французского Алжира» – так описывает виденные им в этот день сцены у здания генерал-губернаторства: «На площади безобразники 14-15 лет с великой радостью, вооружившись гаечными ключами, ломали стоявшие автомашины...». Таков был этот «гневный народ», с которым не могло справиться французское командование, имевшее под рукой несколько полков парашютистов.

Теперь оставалось только создать в Алжире «Комитет общественного спасения». Около здания генерал-губернаторства собралось уже несколько тысяч ротозеев. Самые смелые бродили по коридорам и не знали, что же им делать дальше. Вот рассказ самого Лагайяра: «В течение сорока пяти минут никто не хотел брать на себя ответственность. Все меня ругали и заявляли, что я виноват, заварив всю эту кашу. Но вот наконец приехал генерал Массю, и через четверть часа был

сформирован «Комитет общественного спасения»...»

Во всей этой грандиозной инсценировке легко увидеть типичную **информационную конструкцию фантомного типа**, когда некие реальные события, истинная масштабность и значимость которых отражаются в многократно усиленном и искаженном виде, служат исходным материалом для появления интересующей политической установки: республиканский режим изжил себя, патриотическая общественность Алжира и метрополии требует решительных действий, армия готова поддержать эти действия, и единственный человек, который мог бы встать над противоборствующими силами, обеспечив порядок в стране и победу в Алжире, – прославленный национальный герой генерал де Голль.

Первоначальный замысел сторонников генерала состоял в «закрытом» использовании созданного ими информационного фантома – не столько для масс, сколько для политической элиты, кругов, близких к Национальному собранию. Предполагалось, что в условиях «алжирского путча» кандидатура Пфлимлена будет провалена голосами как слева, так и справа, и под напором психологического наступления «общественности» президент республики поручит формирование правительства с чрезвычайными полномочиями «национальному арбитру» – Шарлю де Голлю.

Роль правительства «защиты республики» как ведущего архитектора нового информационного фантома сводилась к **имитации чрезвычайных мер в условиях якобы чрезвычайного положения**, вызванного как антиреспубликанским военным мятежом в Алжире, который вот-вот может привести к высадке парашютистов в Париже и установлению в стране правонационалистической диктатуры, так и подрывными действиями коммунистов и левых профсоюзов, стремящихся ввергнуть Францию в смуту. **Главным ретранслятором** всех этих ожиданий, страхов и сомнений со скрытыми в них политическими установками на необходимость ускоренной смены режима **стали средства массовой информации**, прежде всего, газеты страны (кроме изданий левых партий и профсоюзов) с их постоянным в эти дни рефреном: «Де Голля – к власти».

То, что все это было разрастающимся на глазах информационным фантомом, подтверждается целым рядом обстоятельств. **Главные «мятежники» в Алжире остались на своих высоких постах**, они не только не были объявлены вне закона, но по-прежнему являлись официальными представителями центральной власти в колонии. Фантомной была и политическая решимость алжирских военных, якобы бросивших ультимативный вызов парижскому правительству. Характерно, что глава алжирских мятежников генерал Салан, действия которого послужили предлогом для объявления на территории Франции чрезвычайного положения и парашютистов которого со страхом ждали в Париже, все эти дни регулярно направлял служебные отчеты о своих действиях кабинету Пфлимлена, а в телефонных разговорах с премьер-министром и министром внутренних дел Жюлем Мокком неизменно заверял их в своей приверженности «республиканской законности».

Однако **главную роль в создании колоссального информационного фантома «приближающих»**

ся испытаний» играло само правительство «защиты республики», возглавляемое Пфлимленом. Почти принудительно удерживаемое у власти поддержкой депутатов от ФПК, оно стремилось передать эту власть сторонникам де Голля, всячески показывая, что только они могут предотвратить надвигающуюся гражданскую войну. Выступая 16 мая в Национальном собрании, Пфлимлен заявляет, что «существует заговор против республики и установленного порядка», и демонстрирует решимость «поставить самым серьезным образом вопрос о месте армии в стране». Однако практические меры кабинета свелись к серии показательных жестов, самым серьезным из которых стало **введение в действие закона о чрезвычайном положении**. Используя фантом «алжирского путча» для конструирования политико-психологического состояния «республика в опасности!», правительство в то же самое время стремилось избежать любых шагов, которые могли бы на деле изменить сложившуюся ситуацию, проявляя при этом предельную лояльность к своим якобы противникам.

Сам генерал де Голль чрезвычайно умело использовал сложившуюся психологическую ситуацию, подтвердив на пресс-конференции 19 мая свою готовность взять власть, если она будет предложена ему должным образом. Подчеркивая, что события «неизбежно приведут к насилию» и что «нужно торопиться с решением, потому что дела и мысли движутся быстро», де Голль дал понять, что для предотвращения надвигающейся гражданской войны ему **нужны полномочия верховного арбитра**, для получения которых Национальному Собранию **нужно применить исключительную процедуру**.

Буржуазные газеты развернули по всей Франции кампанию за де Голля в совершенно невиданных размерах. Каждая на свой лад, они **все повторяли одно и то же: нет другого выхода**. Буржуазная печать имела ежедневный тираж около 30 млн. экземпляров, и почти все они попадали в руки французского читателя, своими редакционными статьями, корреспонденциями из Алжира, информацией и заголовками, фотографиями и карикатурами убеждая дать событиям «естественный ход», не вмешиваться «в предначертанную Франции судьбу». Кроме того, **чтобы усилить обстановку тревоги и нервозности, использовались сложная сеть агентуры, распускающей всевозможные слухи**, и полулегальные комитеты, распространяющие листовки и прокламации.

Проблемой и для де Голля, стремившегося как можно скорее взять в свои руки государственную власть, и для Пфлимлена, стремившегося как можно скорее ему ее уступить, было все еще сохранявшееся республиканское большинство Национального собрания. **Главный инструмент информационно-психологического давления** сторонников смены режима – угроза неизбежности гражданской войны – **оказался действенным** в отношении правительства, **но не в отношении большинства Национального собрания**. Правительству было трудно уйти в отставку, получая при каждом голосовании (с огромным перевесом) подтверждение доверия к себе, но еще труднее было бы обеспечить

голосование в поддержку кабинета де Голля, если бы Президент предложил ему сформировать новое правительство в рамках законной процедуры. Требовалось предварительно расколоть республиканское большинство. В этой ситуации официальные руководители республики пошли на дальнейшее расширение масштабов политического кризиса.

Психологический маневр с некоторой задержкой официального выдвижения де Голля на пост главы правительства принес сторонникам смены режима политический успех. А в изменении отношения социалистов, которые составляли значительную часть Национального собрания, к возможности прихода к власти генерала де Голля особое значение имела активная деятельность двух влиятельных лидеров партии – Ги Молле и В. Ориоля. Их авторитет и психологическая ориентация большинства депутатов соцпартии на стремление избежать раскола общества и кровопролития гражданской войны сказались на исходе голосования их парламентской группы: **отвергая в целом программу де Голля, ориентированную на смену режима**, они в то же время 62 голосами против 39 **высказались за возможность его прихода к власти конституционным путем**. Аналогичным оказалось положение и в партии радикалов. Это был **решающий момент** в политико-психологической войне во Франции – путь к смене политического режима был фактически открыт.

Факты, лежавшие в основе разраставшегося в считанные дни мая 1958 г. **информационного фантома, носили вполне реальный характер**. Однако их соотнесение друг с другом и особенно **интерпретация средствами массовой информации создавали в общественном сознании совершенно ложную картину действительности**. В умах миллионов людей сложился грозный «призрак» гражданской войны, реальная опасность которой была крайне мала. Представление о полном банкротстве Четвертой республики не соответствовало истине: подавляющее большинство депутатов поддерживало законное правительство, а подавляющее большинство французов – законно избранное Национальное Собрание. И тем не менее **шантаж информационным «призраком» сыграл свою роль**. Важно отметить, что руководители республики капитулировали, не сделав даже серьезной попытки оказать сопротивление давлению относительно немногочисленных заговорщиков, добровольно передав власть правительству Шарля де Голля, обозначив реальную возможность последующего пересмотра Конституции.

Любопытно, что не только угроза, содержащаяся в **«майском фантоме»** 1958 г., была призрачной – **призрачной была и его позитивная программа**, в чем всего через три года пришлось убедиться самим алжирским «заговорщикам». Ключом для прихода де Голля к власти служили слова «Алжир останется французским», и в мае 1958 г. людей убеждали, что новый режим будет гораздо эффективнее вести колониальную войну, сохранив «заморские» департаменты Франции. На самом же деле, авторитарная Пятая республика осуществила прямо противоположное: убедившись в недостижимости победы в Алжире, генерал де Голль принял решение отказаться от колониальных претензий, предоставив этой стране независимость.

ДЕЙНЕКА Ольга Сергеевна

НАРКОТИЧЕСКАЯ «КУЛЬТУРА» КАК МЕТОД СОКРАЩЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Об авторе:
Профессор кафедры политической психологии СПбГУ,
доктор психологических наук.
Окончила факультет психологии
ЛГУ им. А. А. Жданова.

Экономика воплощает собой ту сферу жизни и ту область гуманитарного знания, где доминируют рациональность, полезность и эффективность. Однако в современной экономике становится все больше проявлений **иррационального** экономического поведения. Так, интенсификация мировой экономики, усложнение экономической деятельности усложняют, в свою очередь, понимание экономических проблем: сознание человека не успевает за научно-техническим прогрессом. Неудовлетворенность потребности в ориентации (на фоне атомизации общества и фрагментарности информации) порождает иррациональные действия, панику, завышенные ожидания.

Более того, в настоящее время можно говорить и о **сверхрациональном** в экономике, подразумевая такие решения и варианты поведения и деятельности, которые не учитывают пределов рациональности, выходящей за рамки гуманизма, социальной восприимчивости и общественной целесообразности. Есть пределы для максимизации прибылей, не везде применима свободная конкуренция, не все проблемы решаются невидимой рукой рынка. Сверхрациональное смыкается с иррациональным по своим последствиям, на фоне сверхрациональных решений усиливаются иррациональные тенденции в поведении.

Автономия денежного рынка, оторванность денег от производства вызывают характерные деформации в экономическом сознании, в частности, усиление **ощущения непредсказуемости**, неподконтрольности человеку экономических процессов. В обыденном экономическом сознании нарушается баланс «вклад/отдача» («затраты/результат»), притупляется чувство ответственности и экономической безопасности. Человек все больше чувствует себя незащищенным. Ощущение опасности кроется, прежде всего, в высокой энтропийности общества и пронизывает отношения человека с объектной и конкурентно-агрессивной социальной средой.

В этих условиях наряду с прогрессивными пере-

менами в сфере общественного (и индивидуального) сознания происходят и деформации: релятивизация ценностей вплоть до аномии, фатализм, потеря уверенности в будущем, утрата смысла жизни. Наиболее характерной деформацией, обнаруженной нами в ходе эмпирических исследований, является **нарушение временных предпочтений** (неумение отказать себе в чем-то сейчас ради более важных целей в будущем), отсутствие стратегии, что проявилось у представителей разных групп населения [1,2].

Утрированный **вариант деформаций** в сознании и адаптационном поведении **представлен** в современном обществе **феноменом наркозависимости**. По сути своей, это феномен гипертрофированного нарушения пространственно-временных характеристик адаптации к внешнему миру, а именно: крайнее сужение временной перспективы и выведение локуса контроля в зону рабства (делегирование ответственности за свою жизнь, здоровье, благополучие).

Обратимся к результатам выполненного нами эмпирического исследования наркозависимых субъектов. Цель исследования состояла в изучении атрибутивной картины наркозависимости в современном российском обществе, а также в сравнительном

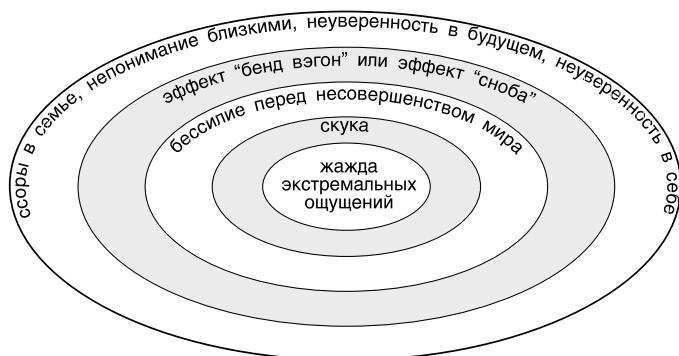

Рис.1. Радиальная схема атрибутивной картины наркотической зависимости (приоритет мотивировок убывает к периферии).

анализе атрибуций¹ лиц со стажем злоупотребления психоактивными веществами, проживающими в России (Санкт-Петербург) и в среде русскоязычных эмигрантов в Германии (Берлин)². Проводилось также исследование их личностных особенностей, но оно оказалось менее информативным.

Результаты анализа рейтинговых предпочтений атрибуций и мотивировок наркотической зависимости показали сложную картину. В ней отражены влияния на психику современных тенденций развития общества. Как видно из рисунка 1, центр общей атрибутивной картины составляют такие мотивировки, как «жажда экстремальных ощущений» и «скука». В них воплощаются гедонистически-потребительские установки постиндустриального общества. У потребителей «белой смерти» доминирует индивидуальный (биологический) уровень объяснения наркозависимости.

Третье место у берлинских и четвертое – у санкт-петербургских испытуемых заняла атрибуция, связанная с глубоким пониманием несовершенства мира и переживаемым в связи с этим бессилием. У наркозависимых эмигрантов, согласно результатам структурного анализа, ведущим паттерном детерминации наркозависимости является компенсация глубокого экзистенциально-личностного кризиса.

Инфантильно-конформистская мотивировка наркозависимости **подражание другим** входит в первую пятерку мотивировок злоупотребления наркотиками у эмигрантов, а **нежелание быть как все, стремление выделиться** оказалось на третьем месте у российских испытуемых. Эти потребительские мотивировки согласуются с двумя экономико-психологическими мотивационными эффектами: «бэндвэгон» (т. е. эффектом «общего вагона», когда товар покупается не в силу необходимости, а в силу желания не отстать от других), и эффектом «сноба», связанного со стремлением выделиться из толпы.

Единодушно отвергается «принуждение» как фактор принятия наркотической культуры. Даже если на начальном этапе оно имело место, то у большинства было вытеснено, т. е. атрибуция явно носит защитный характер. На периферии атрибутивного пространства детерминант наркозависимости остаются межличностные конфликты (ссоры в семье, непонимание близкими людьми) и признаки социальной дезадаптации (неуверенность в себе). Несколько ближе к центру располагается такой фактор, как отсутствие уверенности в будущем.

Результаты корреляционного и факторного анализов данных позволили выделить **четыре типа доминирующих мотивировок наркозависимости**: внутренняя потребность, конфликты, экзистенци-

альный кризис, тревога в связи с неопределенностью будущего.

Первый, наиболее весомый фактор (факторный вес 20,3) связывает причину наркозависимости либо с личностью самого испытуемого (любопытство, рискованный гедонизм и потребность привлечь к себе внимание, престиж), либо с другими людьми (конфликты, принуждение). У испытуемых доминирует либо внутренняя, либо внешняя атрибуция. Фактор содержит два ядра и противопоставляет такие атрибуции, как «жажда экстремальных ощущений» и «от скуки», с одной стороны, и реакцию на «ссоры и проблемы в семье», а также «лекарство от стресса» – с другой.

Второй по весу фактор (вес 15,9) можно назвать фактором экзистенциального кризиса. Высокозначимые отрицательные корреляции показали, что те испытуемые, которые связывают свое пристрастие к наркотикам с пониманием несовершенства мира, отвергают такие инфантильные мотивировки как «от скуки» и «подражание другим». Они видят в наркотиках прибежище от разочарования в том, как устроен мир (неудивительно, что у эмигрантов экзистенциальная атрибуция представлена в большей степени – у них шире адаптационный опыт и больше разочарований). Описываемый фактор подтверждает, что употребление наркотиков совместимо с интеллектуальной зрелостью личности на фоне деформации волевой сферы и принимает форму протестного, но саморазрушительного поведения.

Третий фактор (вес 13,1) – фактор тревоги – включает в себя с наибольшими факторными нагрузками такие признаки, как «неуверенность в себе» и «неуверенность в будущем», которые могут быть независимыми.

Таким образом, атрибутивная картина наркозависимости является не просто сложной и многокомпонентной. Она является проекцией негативных тенденций в обществе. Отношение к наркотику как к товару, вызывающему потребительские мотивации, доминирует в атрибутивной картине наркозависимости. Этот факт подтверждает целесообразность включения наркомании **в круг проблем экономической психологии**.

У рынка наркотиков есть свои маркетинговые закономерности. Например, как это ни трагично, он работает со стратегическим опережением, готовя себе клиентов заранее, уже с дошкольного возраста, поэтому иногда **в детских садах** каким-то образом появляются жевательные резинки, содержащие легкий наркотик. Достаточно ли пролонгирована, последовательна и оперативна система профилактики страшной опасности?

¹ Атрибуциями в социальной психологии называют причины, приписываемые людьми своим поступкам (и поступкам других людей). Близким понятием является понятие «мотивировки», означающее вербальное обоснование, объяснение себе и другим причин своих действий и поступков. Такое объяснение может не совпадать с действительным мотивом, так как опирается на приемлемые для субъекта и его референтной группы обстоятельства [3]. Мотивировки (или атрибуции) пристрастия к психоактивным веществам стали основным предметом нашего исследования.

² Эмпирический материал был собран при участии Е. В. Бобровой и А. К. Савенко. Объектом исследования были две сопоставимые по полу и возрасту группы испытуемых, злоупотребляющих психоактивными вещества-

ми, общим количеством 56 человек, мужчин в возрасте от 20 до 35 лет. Первая группа состояла из 28 пациентов реабилитационного центра «Возвращение» в Санкт-Петербурге, во вторую группу входили наркозависимые эмигранты (клиенты медико-психологического консультационного центра в Берлине). Все испытуемые имели примерно одинаковый возраст дебюта и стаж приема психоактивного вещества (от 5 до 18 лет при среднем 7,5). Основным методом исследования был разработанный нами совместно с Е. В. Бобровой бланк для выявления мотиваторов-атрибуций приема психоактивного вещества, предполагающий процедуру ранжирования. При разработке бланка мы опирались на выявленные исследователями факторы риска в личности и поведении, способствующие наркозависимости [4,5,6].

Как потребители, с рынком психоактивных веществ «бедные» и «богатые» соприкасаются чаще, чем просто «материально благополучные». Этот факт тоже имеет психологическое объяснение и может учитываться как в борьбе с одной из самых страшных форм зависимости человека, так и в ее профилактике.

Феномен наркозависимости интересен и с точки зрения **нарушения баланса между «вкладом» и «отдачей»**, ибо употребление наркотиков является следствием выбора наикратчайшего пути к удовольствию. Эмпирические исследования, выполненные зарубежными экономическими психологами, показали, что финансовый риск и связанное с ним ожидание денежного выигрыша у трейдеров на бирже, игроков казино, любителей тотализаторов и игровых автоматов **задействует те же мозговые центры**, что вызывающие эйфорию наркотики (например, кокаин) [7,8].

Поддержание баланса «вклад/отдача» («затраты/результат») как нормы или эталона жизни и деятельности, как закономерности активной и справедливой личностной позиции, выработанной в процессе воспитания и обучения, также является неосознанным компонентом профилактики наркозависимости. В труде, обучении, общении, при опосредованном научении через средства массовой информации не должна разрушаться социально-психологическая закономерность «чем больше постарался, тем больше получил», не должны внедряться и закрепляться установки на легкие деньги, на обман, брак в работе, на модное ныне в рекламе «все и сейчас».

Наконец, феномен наркомании целесообразно рассмотреть **с политэкономических позиций**. В условиях констатированного в 70-х годах «Римским клубом» перенаселения на фоне ресурсных ограничений в мире, **наркотическая культура стала способом выбраковки лишних и слабых**, демонстрируя циничную позицию социал-дарвинизма. Она возникла не стихийно, а была спланирована и смоделирована при участии ЦРУ и на государственные средства США [9]. К работе были привлечены известные ученые и деятели искусства (Г. Маркузе, Ж. П. Сартр, О. Хаксли, Т. Лири, А. Гинзберг, даже К. Г. Юнг и М. Мид, Бейтсон и другие). Создатели контркультуры окрестили ее как **rock-drug-sex culture**.

Реализация концепции ограниченности природных ресурсов и перенаселения, порожденная глобальным рынком, демонстрирует активно-деструктивную позицию, утрированный дисбаланс целей и средств, при котором интеллект вообще выводится за сферу гуманизма. Сокращение населения может стимулироваться разными средствами, которые между собой тесно взаимосвязаны. В борьбе за «соответствие демографическим нормам» **экономические и информационные войны** становятся не менее, а даже более действенными, чем реальные войны с применением физического оружия. В качестве методов сокращения населения используются **насаждение наркотической «культуры», контркультуры сексуальных меньшинств, культивирование бедности и долговой зависимости**, которые сопряжены с высокой смертностью и низкой рождаемостью населения.

С узко медицинской точки зрения, наркомания – это болезнь человека с характерными чертами обменных процессов и ансамблем свойств нервной системы. Междисциплинарный экономико-психологичес-

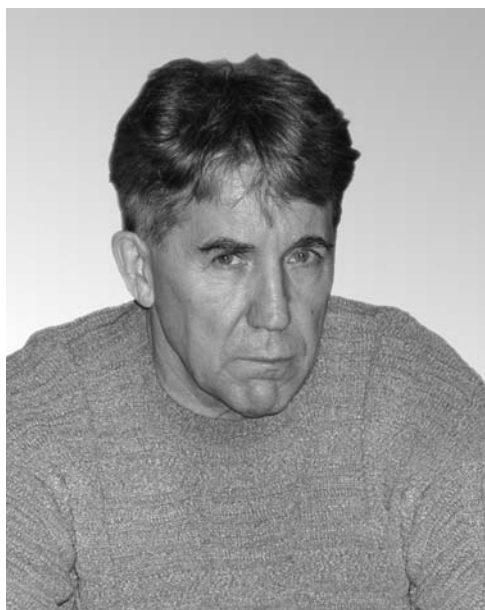
кий и политэкономический подход свидетельствует, что в первую очередь это болезнь общества, которая без сдерживающих ее регуляторных мер прогрессирует. Это даже не болезнь, мобилизующая иммунные силы общества, а, напротив, тяжелейшая травма, травматический синдром, результат нанесения обществу повреждения или принятия им социального яда.

Только четкая государственная политика с опорой на системный подход способна защитить российское общество от такого рода травм. Даже с очень рациональной и прагматичной позиции невозможно опровергнуть подкрепленную статистикой утверждение, что одной из наших российских бед становится не перенаселение, а демографический спад. Кроме того, представители Востока и Африки в большей степени, чем европейцы и евразийцы, защищены от косы «белой смерти» благодаря идущей из глубины веков культуре употребления психоделических средств, а представители белой расы оказались самыми незащищенными по отношению к действию своего же страшного оружия.

Когда человеческий ресурс становится не просто важным, но и главным, необходимы такая **политика** и такая **идеология**, при которых **ценится жизнь и здоровье человека**, учитывается **роль семьи** как стабилизационного для личности и общества фактора в период инноваций и осознается, что **дети** являются долгосрочным капиталом общества. Таким образом, не только превентивные и карательные меры правоохранительных органов и лечебно-реабилитационная работа медицинских учреждений формируют политику безопасности, защищающую от натиска наркотической контркультуры, – ее формирует вся политическая система и дух общества. Политэкономическая база развития общества должна включать такие стабилизационные психологические компоненты, как **стратегичность** (например, наличие единого социального плана), **перспективность** (в частности, приоритеты образования и воспитания), **баланс «вклад/отдача»** (как соответствие цены и эффективности труда), **баланс «свобода/контроль»** (как уход от разрушительной вседозволенности), **чувство Родины и психологической защищенности личности**.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дейнека О. С. Экономическая психология: социально-политические проблемы. СПб, 1999.
2. Дейнека О. С. Если мы такие умные, то почему не такие богатые? // Вестник политической психологии, №1, 2001.
3. Ильин Е. П. Мотивы человека: теория и методы изучения. Киев, 1998.
4. Белогуров С. Б. Наркотики и наркомании. СПб, 1999.
5. Лисовский В. Т., Колесникова Э. А. Наркотизм как социальная проблема. СПб, 2001.
6. Шабанов П. Д., Штакельберг О. Ю. Наркомании: патопсихология, клиника, реабилитация. СПб, 2001.
7. Lewis A., Webley P., Furnham A. The new economic mind: the social psychology of economic behavior. New York, 1995.
8. Hall Al. You Bet Gambling Is Addictive / www.businessweek.com/print/bwdaily/dnflash/may2001.
9. Медведев И. Я., Шишова Т. Л. Убийца предупреждает: убийство опасно для вашего здоровья (сага о наркотиках) // Сербский крест, № 76, март 2002 г.

КРАМНИК Валерий Викторович

«ДЕМОН ЖАДНОСТИ» И МОРАЛЬ: КТО КОГО?

Об авторе:

*Профессор кафедры политологии Санкт-Петербургского
Университета экономики и финансов,
доктор политических наук.
Окончил философский факультет
ЛГУ им. А. А. Жданова.*

Если приглядеться к достижениям и поражениям современного мира, нельзя не признать, что все они так или иначе коренятся в природе капитализма, сила и слабость которого вызваны своеобразным сочетанием психокультуры человека и права. Сила – в задействовании самого мощного – после инстинкта самосохранения – **инстинкта жадности, стремления к выгоде и корысти**. «Низкая алчность, – указывает Ф. Энгельс, – была движущей силой цивилизации с ее первого до сегодняшнего дня; богатство, еще раз богатство и трижды богатство, богатство не общества, а вот этого отдельного жалкого индивида было ее единственной определяющей целью. Если при этом в недрах этого общества все более развивалась наука и повторялись периоды высшего расцвета искусства, то только потому, что без этого невозможны были бы все достижения нашего времени в области накопления богатства»¹. «Только **бурное развитие капитализма**, – констатирует Э. Фромм, – **привело к тому, что жажда наживы стала мотивом жизни все большего числа людей**»². «Дух» капитализма, его «движущая сила», вторит ему М. Вебер, выражается «...прежде всего, **в наживе, во все большей наживе при полном отказе от наслаждения, даруемого деньгами, от всех эвдемонических и гедонистических моментов; эта нажива в такой степени мыслится как самоцель**, что становится чем-то трансцендентным и даже просто иррациональным по отношению к «счастью» или «пользе» отдельного человека. Теперь уже не приобретение

служит человеку средством удовлетворения его материальных потребностей, а все существование человека направлено на **приобретательство**, которое **становится целью его жизни**. Этот с точки зрения непосредственного восприятия бессмысленный переворот в том, что мы назвали бы «естественным» порядком вещей, в такой же степени является необходимым лейтмотивом капитализма, в какой он чужд людям, не затронутым его веянием»³.

Конечно, **капитализм** претерпел значительную эволюцию, стал менее ригористическим и более гедонистическим, но одно осталось неизменным – **стремление к наживе, к денежной выгоде, к наибольшей денежной выгоде как цель, самоцель человека, как его долг, его призвание**. «Дух» современного капитализма, по мнению М. Вебера, отличается от его предыдущих фаз тем, что для него «характерно систематическое и рациональное стремление к законной прибыли...»⁴. «Приобретение денег – при условии, что оно достигается законным путем, – является при современном хозяйственном строе результатом и выражением деловитости человека, следующего своему **призванию**...»⁵. Таким образом, современный капитализм выступает как рациональная, «законная» система извлечения прибыли, наживы. М. Вебер специально подчеркивает: «**Безудержная алчность в делах наживы ни в коей мере не тождественна капитализму и еще менее того – его духу**»⁶. Напротив, ему тождественно рациональное ограничение, регулирование иррацио-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21, с. 176.

² Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1998, с. 275.

³ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990, с. 75.

⁴ Там же, с. 85.

⁵ Там же, с. 76.

⁶ Там же, с. 48.

нальных побуждений к наживе, прибыли. *«Капитализм может быть идентичен обузданию этого иррационального стремления (к наживе. – В. К.), во всяком случае, его рациональному регламентированию. Капитализм, безусловно, тождествен стремлению к наживе в рамках непрерывно действующего рационального капиталистического предприятия, к непрерывно возрождающейся прибыли, рентабельности»*⁷.

Возникает вопрос: способна ли рациональная, «законная» система сдерживать чрезмерные искусы эгоизма, обуздать жадность, удерживать ее в конструктивных рамках? Европейские, а тем более **азиатские модели** социального, менее индивидуалистического, **коммунитарного капитализма**, сочетающие в той или иной мере «личный эгоизм», «групповой эгоизм», «анти-эгоизм» и альтруизм⁸, выступают своеобразным предохранителем, препятствующим перерастанию «конструктивной» жадности в «деструктивную». Хотя нет-нет, а в последнее время все чаще, вулканические всплески энергии эгоизма и эгоцентризма, жадности и супержадности то тут, то там пробиваются сквозь этот предохранитель в виде коррупции, ценовых сговоров, укрывательства налогов и т. д. и т. п. Что же тогда говорить об **англо-американском капитализме**, который, по мнению его критиков, **«разделяет индивида и общество и способствует эгоизму и жадности»**⁹? В последние десятилетия в Америке шло нарастание крайнего индивидуализма и самодовольства под аккомпанемент лозунгов «делай все по-своему» и **«greed is good»** (жадность – это хорошо)¹⁰. Не бережливость, расчетливость, экономность, а жадность как «чрезмерное стремление к удовлетворению какого-нибудь желания»¹¹, желания чрезмерного богатства. Не эта ли легитимация – **идеализация жадности**, возведение ее в ряд достойных, важнейших стимулов деловой жизни – явилась тем драйвом, и супердрайвом, который вывел Америку в лидеры современного мира – экономического,

технологического, военного? Не потому ли сторонники англо-американской системы объясняют невыгодное сравнение, например, Америки и Азии, тем, что в **Азии «недостаточно социально-продуктивной жадности»**¹²? Но вместе с тем – и в этом слабость капитализма, его ахиллесова пята, – превзойдя всякие пределы, **жадность породила вакуум тормозов** у тех, кто, придерживаясь взгляда, что свободу человека ограничивает «только физиологическая структура его тела и естественная ограниченность его производительных возможностей»¹³, в безудержной погоне за богатством готов игнорировать «законные» правила игры. Именно неумная **жадность американских топ-менеджеров** привела к мошенничеству, фальсификации отчетности, финансовым злоупотреблениям, махинациям с ценными бумагами, злоупотреблению с инсайдовской информацией, ценовому и информационному сговору между корпорациями, что неизбежно привело к обвалившемуся рынку скандальному банкрот-

ству наиболее зарвавшихся и могущественных из них – Enron и WorldCom.

В свое время радикальную и безуспешную попытку **вырвать жало жадности из чрева человека предприняли российские большевики**¹⁴. В 60 – 70-е годы минувшего века вышли в свет молодые идеалисты – волосатые могильщики жадности: жгли костры из стодолларовых купюр, пели «Imagine» гуманиста Джона Леннона, обвиняли родителей в том, что те живут ради денег, а не ради человека. Но не переделать природу человека! **Жадность ододела своих могильщиков**. Совесть успокоилась, уступила соблазнам: бунтари постриглись, одели «тройки» и пошли в корпорации «делать деньги».

Если нельзя устранить **жадность**, неизбежно замешенную на зависти, на неодолимом желании обойти других, добиться превосходства над ними в богатстве, власти и престиже¹⁵, то **что может сдержать ее деструктивные проявления?** Мораль, этика? Но если в социальной, коммунитарной экономической системе выгода как-то соотносится с социальной справедливостью или общим благом, то, по мнению апологетов англо-американ-

⁷ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990, с. 48.

⁸ Подробнее см.: Крамник В. В. Власть и мы: ментальность российской власти – традиции и новации // Общество и политика. Современные исследования, поиск концепций / Под ред. В. Ю. Большакова. СПб., 2000, с. 127 – 128; Новинская М. Н. Коммунитарная парадигма: модернизация левой идеи в западной политической культуре // Мировая экономика и международные отношения, № 4, 2000.

⁹ Barry N. Capitalism After the Fall of Communism. – Politics. 1998, 18 (2), p. 133.

¹⁰ См.: Майерс Д. Социальная психология. СПб., 1997, с. 254; Barry N. Op. cit., p. 134.

¹¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1984, с. 162.

¹² Barry N. Capitalism After the Fall of Communism. – Politics. 1998, 18 (2), p. 139.

¹³ Людвиг фон Мизес. Антикапиталистическая ментальность. Нью-Йорк, 1992, с. 3.

¹⁴ См.: Крамник В. В. Природа человека и экономическая эффективность // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов, № 2, 1998.

¹⁵ См.: Крамник В. В. Зависть как мотив экономической конкуренции // Экономическая психология: вопросы теории и практики, СПб., 2001.

ской модели экономики, **«"бизнес-этика" есть угроза экономической эффективности и не гарантирует высокий уровень стандартов в коммерции»**¹⁶. Религия здесь также не большой помощник, поскольку, **«когда идея личного спасения в будущей жизни утратила свою прежнюю важность, за этим неизбежно последовало ослабление интериоризации моральных норм»**¹⁷. Проповеди Папы Римского Иоанна Павла II о милосердии, о социальной этике, о невозможности оставаться безучастными к судьбам нищих и безработных остаются гласом вопиющего в пустыне. Гуманитарная эволюция, проделанная человечеством, не отменяет того, что сегодня, как и прежде, деньги, богатство зачастую побеждают мораль и справедливость. Даже **после беспрецедентного удара террористов по Америке американцы «разменяли патриотизм на деньги»**: никакие призывы подходить к торгам с патриотизмом не предотвратили резкое снижение котировок на бирже – брокеры не покупали, а вовсю продавали акции, обрушивая рынок ценных бумаг. **«Рынок не может работать на патриотических принципах»**, – заявил Джордж Сорос. Как же тогда можно верить директорам крупнейших американских корпораций, которые в приказном порядке дали клятву в том, что их финансовая отчетность соответствует действительности, ибо, как известно, честность не может регулироваться клятвами, а только совестью, которая далеко не всегда выдерживает напор «больших денег»? Есть ли вера в осуществимость и необратимость инициативы ряда известных топ-менеджеров, призвавших своих коллег в добровольном порядке снизить свои заработки? (За последние 20 лет **разрыв между средним доходом рабочего и главы компании увеличился с 42 до 400 раз**, что «противоречит нормам морали».) Вряд ли надолго отобьют охоту к незаконному обогащению и принудительные, уголовные меры: со временем отыщутся лазейки в законах, ослабнет бдительность контролирующих органов и все вернется «на круги своя».

Сходные процессы и проблемы касаются и России, где подавленная, **скованная в советское время энергия «алчного стремления к богатству»**, пробиваясь с трудом в недрах теневой экономики, прорвалась с началом и эскалацией рыночных реформ и по закону «действие рождает противодействие», **сокрушая препятствия**, казалось бы, незыблемого у советских людей **«антиэгоизма» и альтруизма**, окончательно **вырвалась наружу**. В своем крайнем виде она **проявилась в суперкорыстном дележе общего достояния**, во что, собственно, и вылилась молниеносная приватизация самых баснословно прибыльных отраслей – газовой и нефтяной,

которые раньше служили всем гражданам, а сейчас – прежде всего своим владельцам, мгновенно превратившимся в мультимиллиардеров, входящих в круг самых богатых людей мира. **Неумная скарденность их препятствует перераспределению сверхдоходов** от реализации нефти и газа в пользу живущего на грани или за чертой бедности подавляющего большинства народа. Одновременно **«хватательный рефлекс» раскрепостил ранее сдерживаемые массовые деструктивные и агрессивные инстинкты**, породил в небывалых масштабах коррупцию, воровство, насилие и т. п.

Интегрируясь в капитализм, Россия адаптирует присущие ему и не дающие полной гарантии **методы борьбы с «демоном жадности»**. Помимо легальных и правоохранительных методов множатся «кодексы чести», «хартии деловой корпоративной этики», разрабатываемые «большим бизнесом», остающиеся скорее декларативными, чем реально умеряющими их эгоистические аппетиты.

Каково же будущее мира, подверженного неукротимому «демону жадности»? Вацлав Гавел, президент Чехии, обращает внимание на огромные угрозы для цивилизации и планеты, которые несут на Западе, а теперь, добавим, и в России, и в странах Восточной Европы, **«диктатура денег» и «расцвет эгоизма»**, противостоять которым невозможно «без новых моральных усилий, без изменения духа и отношения к жизни и миру в целом». А потому богатый и демократический Запад должен «произвести моральную переоценку ценностей, чтобы будущее не приносилось в жертву нынешним доходам». **Те же, кто провел жизнь в условиях социализма, обязаны передать миру «фундаментальный опыт экзистенциализма»**, который подсказывает: «реальный политический успех приносит только то, что дает правильный ответ на основные моральные дилеммы времени и культуры». Однако на вопрос, удастся ли гражданам бывших соцстран использовать этот опыт и позитивно повлиять на общее развитие современной цивилизации, ответ был неутешительный: «Я в этом не вполне уверен. Увы, мы, быть может, сами догоняем Запад в тех сферах, которые служат всем предупреждением об опасности и ведут весь мир к мрачному будущему»¹⁸. Конечно, «правильнее было бы внушить людям презрение к золоту и шелкам, как вещам суетным и бесполезным»¹⁹. Но в капиталистической системе, где «властелин – деньги»²⁰, абсолютного иммунитета от периодических вспышек эпидемии жадности нет и не предвидится. Это заставляет постоянно держать их под контролем, сводить к минимуму, делать менее болезненными для общества.

¹⁸ Вацлав Гавел призывает восточноевропейцев морально повлиять на Запад // Общая газета, 27 мая – 2 июня 1999.

¹⁹ Мишель Монтень. Опыты. Избранные произведения в 3-х томах. М., 1992, с. 289.

²⁰ Людвиг фон Мизес. Антикапиталистическая ментальность. Нью-Йорк, 1992, с. 6.

¹⁶ Barry N. Capitalism After the Fall of Communism. – Politics. 1998, 18 (2), p. 133.

¹⁷ Козловски П. Этика капитализма. Эволюция и общество, СПб., 1966, с. 80.

ЕСТЬ МНЕНИЕ

Освещая категорию справедливости в гражданском обществе с разных сторон, редакция журнала «Вестник Политической Психологии» не могла не обратиться к святой святых справедливости – к суду. Чтобы выяснить, каково понимание этой категории гражданской психологии в судах, мы обратились непосредственно к представителям этой, одной из главнейших профессий. Наше обращение не осталось без ответа. Свое видение этой проблемы нам поведала судья Санкт-Петербургского городского суда, председательствующая судебного состава И. А. ДОКИНА. Ее мнение мы и представляем нашим читателям.*

ДОКИНА Ирина Анатольевна

СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ЗАКОННОСТЬ. СУДЕБНАЯ РЕФОРМА

Об авторе:

**Судья Санкт-Петербургского городского суда,
председательствующая судебного состава.
Окончила юридический факультет
ЛГУ им. А. А. Жданова.**

Автор полагает, что еще рано говорить, что судебная реформа закончена. Потребуется еще десятилетие, а может, и больше, чтобы реформа произошла для начала хотя бы в умах. Многие годы требовали, чтобы судья исследовал обстоятельства дела, устанавливал истину по делу, а по существу – латал в судебном заседании пробелы следствия, выполнял работы, упущенные следователем. Даже была такая формулировка: «суд сам может восполнить пробелы следствия». Это приводило к волоките в суде, и зачастую складывалось неправильное впечатление, что суд не желает рассматривать дело, либо судья в чем-то заинтересован, так как не выносит решение.

Сейчас положение изменилось. Судья, по существу, выступает как бы в роли арбитра между сторонами, и решение суда зависит от высказанной позиции сторон. Новый Уголовно-процессуальный кодекс строится на началах процессуального равенства, где «бремя доказывания» несет обвинитель, функции разделены между обвинителем, защитой и судом. Раньше суд имел право возвратить дело на дополнительное расследование, если устанавливал ошибки следствия, а сегодня этот институт устранен, и в определенных случаях суд обязан вынести оправдательный приговор.

Давайте рассмотрим ситуацию с позиции участников процесса. Судья изучает материал и видит: есть основания полагать, что лицо причастно к совершению преступления, но допущены нарушения уголовно-процессуального закона такие, что следует вынести оправдательный приговор. Например, срок следствия продлен не надлежащим прокурором. Это

означает, что все доказательства, добытые после такого продления, являются недопустимыми, а следственные и процессуальные действия – незаконными. Но с точки зрения справедливости обоснованно ли такое решение? Да, с точки зрения законности такое решение – правильное. С точки зрения справедливости, полагаю, тоже.

Сторона обвинения обязана предоставить доказательства в строгом соответствии с Уголовно-процессуальным законом, т. к. лицо может быть признано виновным только на достоверно установленных доказательствах. Перед законом все равны, новый нормативный акт потребовал надлежащей работы от правоохранительных органов. И если обвинитель не выполнил закон, не надлежащим образом выполнил свою работу, то и должен нести бремя ответственности за брак в работе. Разве это не справедливо? Уверяю вас, принять такое законное решение судьей нелегко: на чашу весов положена не только судьба обвиняемого, но и судьба потерпевшего и свидетелей. Само понятие социальной справедливости, внутреннее чувство гражданской справедливости присуще каждому судье как человеку, как гражданину. Судья не может быть свободным от тех социально-этических норм, которые существуют в современном обществе. Судья понимает, что, вынося оправдательный приговор, основанный не на невиновности лица, а из-за ошибок, упущений следствия, поощряет безнаказанность и в какой-то мере открывает возможность для совершения других преступлений.

СМИ зачастую поверхностно и даже юридически неграмотно комментируют те или иные решения в расчете на определенные эмоции. Я считаю, что

* Статья публикуется в авторской редакции.

общество должно получить правильный комментарий, доступный большинству читателей и зрителей. Но судья, прежде всего, обязан выполнить требования закона. Эта дилемма встает перед каждым судьей. Общество должно с этим считаться, вынося свои суждения в каждом конкретном случае. Правильная оценка напрямую зависит от правовой культуры общества, и в этом неocenимую услугу могут оказать СМИ, которые могли бы чаще сдерживать вполне понятную тягу делать сенсационные сообщения. Стремиться объективно обсуждать, что послужило основанием освобождения «бандита» из-под стражи. К примеру, судья рассматривает материал и видит, что он обязан освободить лицо из-под стражи, ибо уже завтра это лицо будет лишено свободы незаконно. Судья освобождает из-под стражи. Это будет законно, справедливо. А спрашивать надо не с судьи, не обсуждать его решение, а спросить следует с тех лиц из правоохранительных органов, в результате чьих действий суд был обязан принять такое решение. Ведь не вызывает ни у кого возражений обращение покупателя, приобретшего некачественный товар, к помощи экспертизы. И эксперт дает заключение, влекущее определенные последствия. У СМИ будет тогда основание обсуждать производителя, его ошибки, которые послужили соответствующим основанием для признания данного товара некачественным, но не само заключение эксперта будет предметом обсуждения. Так и в нашем случае: если производство предварительного следствия некачественное или истекли законные сроки содержания под стражей и суд выносит об этом соответствующее решение, то следует обсуждать сторону обвинения, что послужило основанием для принятия такого решения, а не обсуждать суд.

Новый процессуальный закон, безусловно, труден в применении, и основная трудность заключается в том, что имеют место пробелы. Но судье трудно еще и психологически перестроиться. Так, например, создается впечатление, что при составлении закона думали прежде всего о правах обвиняемого, а интересы потерпевшего, общества остались на втором плане.

Очень много говорят о независимости судей. Следует напомнить, что по закону судьи всегда были независимы. Однако в процессе правоприменения, в судебном заседании многое зависит и от внутренних гражданских качеств судьи. Тем более что различные социальные силы всегда разными способами оказывают определенное давление на главную фигуру судебного процесса. СМИ оказывают давление своими эмоциональными публикациями. Но будет ли действенным такое давление на судью – это уже индивидуально зависит от его нравственных качеств. Судья должен иметь свою гражданскую позицию и отстаивать ее, когда убежден, что он прав. Это не просто, так как, по существу, это означает идти против мнения большинства. Но большинство не всегда право, и весьма часто в этом большинстве есть и судьи, которым намного проще придерживаться общего мнения. Чтобы отстаивать свое мнение, нужна и смелость, и гражданское мужество. Этими качествами судья может воспользоваться, если он является профессионалом, так как свою позицию он должен аргументировать, и таким человеком трудно и командовать, что делает его весьма неудобным в

коллективе.

Если говорить о защищенности судей, то судья должен быть защищен в первую очередь законом, который он применяет, и возможностью на деле реализовать прописанные в нем процессуальные процедуры. К большому сожалению, закон порой написан так, что его можно трактовать по-разному, а тем более – применять. Закон должен быть составлен четко и доступно, чтобы не было возможностей для множественных толкований. Это не просто, но к этому надо стремиться. Это приведет к большему доверию к судебному сообществу и будет способствовать единообразному применению закона и укреплению независимости судей. Решение суда должно быть прозрачным, понятным, пусть даже оно не будет в пользу пострадавшего лица, но если оно понятно, то оно уже не должно восприниматься несправедливым.

Человечество, борясь с преступностью, все время ее не догоняет, так как преступность всегда быстрее приспосабливается к окружающей действительности, выискивает те или иные возможности обогащения, реализации иных своих целей. Появляются новые преступления, и законодателю требуется время для осмысления и включения их в перечень уголовно наказуемых деяний. Человечество в своем развитии всегда старается разрешить этот конфликт, отсюда и решение о введении присяжных. Это очередное стремление государства восстановить постоянно нарушающийся баланс между общественным миром справедливости и законодательством.

Когда мы говорим о доверии, то надо сказать, что очень многое зависит от судьи. Еще случается и грубость со стороны судьи. Усталый взгляд судьи из-под очков тоже может быть расценен лицом как недоброжелательность или настрой судьи решить вопрос в пользу другой стороны. Поверьте, в судебном сообществе очень осуждается это и ведется очень серьезная работа с такими судьями! Судья должен быть собранным и требовательным, в первую очередь, к себе. И помнить, что каждый, кто оказался в суде, – будь он обвиняемый, потерпевший, свидетель – пришел с болью душевной, с целым комплексом сложнейших и сильнейших переживаний. И очень многое зависит от умения судьи задать правильный, деловой и в тоже время доброжелательный тон во время общения в судебном заседании.

Все судьи переживают за каждую судьбу, за каждое принятое решение. Психологическая нагрузка чрезвычайно велика. В подтверждение приведу точку зрения нашего уважаемого коллеги – профессора кафедры уголовного права Российской Правовой академии Льва Семеновича Халдеева: «Весь судебный процесс за председательствующим наблюдали все его участники и публика в зале. С особым пристрастием наблюдали за ним подсудимые и потерпевшие, их родные и близкие, друзья. Каждый из них по-своему чему-то верил, а в чем-то сомневался, в меру своего разума все они делали определенные выводы и «строили» прогнозы. При этом судья прекрасно понимал, что каждый из участников процесса, публика в зале верили и надеялись не столько на справедливость решения, сколько на то, что оно будет в их пользу. Судья понимает также, что любой приговор не может удовлетворить всех».

РЕБРИК Виктор Васильевич

ГЕРМАНИЯ ПОСЛЕ ВЫБОРОВ: «новый курс» Шрёдера?

Об авторе:

*Научный сотрудник Баварской академии наук (Мюнхен),
доктор философии (университет Тюбинген).
Окончил филологический факультет СПбГУ.*

Исход парламентских выборов в Германии – крупнейшей по количеству населения и потенциалу стране ЕС – всегда привлекал пристальное внимание соседей. **В какую сторону пойдет Германия после выборов?**

Германия фактически является парламентской республикой. Федеральный президент имеет чисто «декоративные» функции. **Реальная власть сосредоточена в руках федерального канцлера**, являющегося представителем партии, получившей большинство мест в Бундестаге. Канцлер может представлять и коалицию нескольких партий. Если при этом объединяются партии противоположных направлений, то такую коалицию называют «большой». Последний раз это произошло в 60-е годы (1966 – 1969, канцлер Кисингер). Двумя крупнейшими и важнейшими немецкими партиями являются **социал-демократы** (СДПГ, старейшая немецкая партия, основанная еще в XIX в.) и **христианские демократы** (ХДС), между которыми уже более 50-ти лет и разворачивается основная борьба на выборах. В Баварии, являющейся, согласно немецкой конституции, «свободным государством» (Freistaat), а не просто одной из 16-ти земель, входящих в состав ФРГ, нишу христианских демократов занимает **христианско-социальный союз** (ХСС), выступающий на выборах вместе с ХДС. Коалиционным партнером СДПГ является одна из самых молодых немецких партий – **партия «зеленых»**, впервые в своей истории пришедшая вместе с СДПГ к власти в 1998 г. Это означало завершение 16-летней эпохи Гельмута Коля, ознаменовавшейся радикальными переменами – падением Берлинской стены, объединением Германии, роспуском организации Варшавского договора и расширением НАТО на восток. Еще одна немецкая партия – **партия свободных демократов**, исповедующая либераль-

ные идеи, также обычно является союзником ХДС/ХСС, но может поддержать и левую коалицию. К этим традиционным партиям, претендующим на места в бундестаге, после объединения Германии прибавилась еще одна – ПДС (**партия демократического социализма**), наследница бывшей СЕПГ (**Социалистической единой партии Германии**), правившей в бывшей ГДР. ПДС, в принципе, готова поддержать социал-демократов, но они пока что предпочитают обходиться без этой поддержки. Такова основная палитра современных немецких партий. Крайне правые партии (подобные партии Ле Пена во Франции) – **НДП (национально-демократическая партия)** и **республиканцы** – обычно не набирают необходимых для вхождения в бундестаг 5 % голосов. Существует и немало других, менее известных партий (вроде партии христиан, верных Библии, или партии защиты животных), пользующихся предоставленной им в ходе предвыборной кампании возможностью заявить о себе.

В послевоенной Германии чаще всего у власти были ХДС/ХСС (1949 – 1966 гг., эпоха Аденауэра и Эрхарда), лишь в конце 60-х – начале 80-х гг. социал-демократам удалось взять реванш (1969 – 1982 гг., канцлеры Брандт и Шмидт, известные своей приверженностью политике «разрядки» и сотрудничества в Европе, в том числе и между двумя немецкими государствами).

Согласно основному закону, **Германия является федерацией, состоящей из 16-ти земель** (после объединения Германии к десяти западнонемецким присоединились шесть восточнонемецких земель). **Их можно разделить на три группы, согласно традициям, психологии и политическим симпатиям:**

1. **Север бывшей ФРГ** (восемь земель – Шлезвиг-Гольштейн, Гамбург, Нижняя Саксония, Бремен, Северный Рейн – Вестфалия, Гессен,

Рейнланд-Пфальц и Саарланд). **Здесь традиционно преобладают сторонники социал-демократов.** Именно эти земли, в особенности Нижняя Саксония и Северный Рейн – Вестфалия, являются основной избирательной базой СДПГ. У избирателей преобладают умеренно левые взгляды, сводящиеся к концепциям социальной рыночной экономики и демократического правового государства.

2. **Юг бывшей ФРГ** (две земли – Бавария и Баден-Вюртемберг). Эти земли – наиболее процветающие экономически, кроме того, согласно статистике, здесь наилучшие в Германии показатели в сфере образования. Южные немцы по менталитету и даже по языку во многом отличаются от северных, что связано с традицией существовавших там государств, крупнейшими из которых были Бавария, Вюртемберг и Баден. Они были присоединены к Пруссии в 1866 г. и сохраняли известную самостоятельность и в эпоху Второй империи (1871 – 1918), т. к. Баварией и Вюртембергом продолжали управлять местные королевские династии. Южнонемецкие диалекты (баварский, франконский и швабский) весьма отличаются от литературного немецкого языка как в области фонетики и лексики, так и в грамматике и вполне могли бы считаться отдельными германскими языками. Жители южных земель большое внимание уделяют христианским ценностям: в Баварии преобладает католицизм, а в Баден-Вюртемберге – умеренный протестантизм, представленный евангелическо-лютеранской церковью. Южные немцы (как и большинство южан вообще) более темпераментны и коммуникабельны, более открыты, чем северные. В жилах южан, вероятно, течет и кельтская кровь. Не удивительно, что они поддерживают контакты скорее с соседними романскими народами (французами, итальянцами, испанцами), чем с северянами, по темпераменту напоминающими англичан. Южные немцы консервативны, стремятся к сохранению местных традиций (кухни, одежды, народных песен и т. д.). Понятно, что **в их политических симпатиях преобладает ХДС** (в Баден-Вюртемберге) и ХСС (в Баварии). При всем своем консерватизме южане отнюдь не являются противниками европейской интеграции, в особенности с Францией, Италией и Австрией, а также с соседними славянскими государствами – Польшей и Чехией.

Сложнее определить политические симпатии **третьей группы земель – бывшей ГДР** (к ней относятся шесть земель – Мекленбург-Предпомерания, Бранденбург, Берлин, Саксония-Ангальт, Саксония и Тюрингия). Во всяком случае, **они отличаются большим радикализмом, чем запад Германии. Немалый успех у здешних избирателей имеет ПДС.** С другой стороны, именно на востоке Германии сильнее всего проявляются праворадикальные и антиевропейские настроения. **Популярны здесь и христианские демократы.** Нынешний председатель партии Ангела Меркель родом из Штральзунда (Мекленбург-Предпомерания). Однако есть сторонники и у социал-

демократов, да и сама ПДС все больше сдвигается в их сторону. Поэтому голоса восточных немцев играют важную роль на выборах.

Кроме этих общих факторов, есть и конкретные, среди которых, прежде всего, можно выделить следующие: итог четырехлетнего правления коалиции социал-демократов и «зеленых», наличие у той или иной партии достойных кандидатов, поведение партийных лидеров в последние месяцы перед выборами. Даже природные катастрофы (такие, как недавнее наводнение на юге и востоке Германии) весьма влияют на общественное мнение. Рассмотрим эти факторы подробнее.

1. **Итоги совместного правления социал-демократов и «зеленых» не дают поводов для оптимизма.** Обещания представителей этих партий оказались невыполненными (или выполненными с точностью до наоборот). Нелишним будет вспомнить, что руководители пришедших в 1998 г. к власти левых партий (в особенности Шрёдер и министр иностранных дел Фишер) относятся к числу «шестидесятников», активно участвовавших в левых выступлениях 1968 г. **«Будучи молодым социалистом, Шрёдер боролся с монополиями, теперь же он стал лучшим другом монополий»** (из предвыборного выступления Ангелы Меркель на митинге в Мюнстере 12 августа), фактически освободив их от налогов, в то время как подоходный налог для рядовых тружеников составляет 43 %. Одной из главных задач своего правления Шрёдер считал борьбу с безработицей, но именно сейчас безработица в Германии является рекордной, без работы остается более 4 млн. человек. Не выполнили своих обещаний (закрытие атомных электростанций и повышение цен на бензин) и «зеленые». **И во внешней политике коалиция выполняла свои обещания с точностью до наоборот.** Впервые после 1945 г. Германия оказалась втянута в войну (в Югославии, в 1999 г.), что вызвало кризис в традиционно пацифистской партии «зеленых», но большинство партийной фракции в бундестаге и сам Йошка Фишер поддержали участие в войне, изменив, таким образом, своим идеалам. Сейчас немецкие миротворцы находятся в двадцати странах мира и занимаются там отнюдь не пропагандой пацифизма, неся при этом людские потери (особенно в Афганистане). Важным событием эпохи был перенос столицы в Берлин, с чем, естественно, были связаны немалые расходы, ударившие по налогоплательщику. Интеграция Восточной Германии также требовала больших затрат, а надежды восточных немцев на быстрое улучшение своей жизни после объединения Германии в целом не оправдались (что послужило одной из причин падения правительства Коля), не улучшилось их положение и при Шрёдере. В экономической жизни важнейшим событием явилось введение единой европейской валюты – евро (в 1999 г. как безналичной и в 2002 г. как наличной валюты) вместо существовавшей с 1871 г. немецкой марки, также не оправдавшее возлагав-

шихся на него надежд и вызвавшее резкое подорожание товаров и услуг (так что немецкие остряки сразу же **перекрестили Euro в Теуро – «дорогое»**), в то время как немецкая экономика в целом находится в состоянии, близком к стагнации.

2. **После ухода Коля с политической арены и выдвинутых против него обвинений во взяточничестве** (впрочем, Коль брал пожертвования не для себя, а на партийные нужды) **оказалось, что у христианских демократов фактически нет достойных кандидатов на пост канцлера**, так как все они находились в тесных отношениях с Кодем (например, Вольфганг Шойбле, которого Коль прочил в свои преемники на пост канцлера). Исключение составляет разве что Ангела Меркель, выдвижение которой на пост кандидата в канцлеры могло бы привлечь голоса женщин и восточных немцев¹. Однако блок выдвинул своим кандидатом представителя ХСС Эдмунда Штойбера, успешно руководившего Баварией на протяжении девяти лет. Штойбер отличается южнонемецким темпераментом и прагматизмом, один из принципов его руководства в качестве баварского премьер-министра можно сформулировать так: *Leptor und Lederhosen* (современные компьютеры и техника плюс приверженность традициям – «кожаные штаны»). Он является неплохим оратором, при этом выдавая свой баварский акцент.

Положение с кандидатурами не лучше и у других партий. Так, министр обороны Рудольф Шарпинг (СДПГ) был вынужден в июле уйти со своего поста в связи с обвинениями в финансировании пиар-технологий. Затем оказалось, что депутаты бундестага от СДПГ и министры охотно используют служебные самолеты в личных целях. Не все ладно и у свободных демократов: их ведущего кандидата Мёллеманна обвинили в антисемитизме в связи с критикой действий Израиля в выпущенной им незадолго до выборов листовке. После выборов у него начались серьезные проблемы, которые могут завершиться его исключением из партии.

3. Тем самым мы подошли к следующему пункту – **поведению партийных лидеров перед выборами**. Еще в июле казалось, что левая коалиция, отягощенная неудачными итогами правления и скандалами в партии, может проиграть выборы, в то время как ХДС/ХСС, освободившиеся от отягощающего наследия скандала вокруг Коля (конечно же, весьма раздутого его противниками; несмотря ни на что, Коль навсегда останется в истории как канцлер немецкого единства), получили шанс победить. Согласно опросам того времени, в случае коалиции со свободными демократами они могли бы получить большинство в бундестаге. Впрочем, свободные демократы не спешили заявлять о поддержке ХДС/ХСС и выдвинули Мёллеманна в качестве собственного кандидата в канцлеры. СДПГ же по-

прежнему пользовалась поддержкой «зеленых», о поддержке или терпимости по отношению к левой коалиции заявила и ПДС. Тем не менее, на предвыборном митинге в Мюнстере 30 июля Штойбер был уверен в победе.

В августе ситуация изменилась в пользу социал-демократов. Этому способствовали два фактора: катастрофические наводнения в Баварии и Восточной Германии (названные Штойбером в теледебатах 25 августа «крупнейшей катастрофой, постигшей Германию после Второй мировой войны») и позиция Германии по отношению к возможной войне США с Ираком. **Четкие действия Шрёдера по борьбе с наводнением вызвали увеличение симпатии к нему немцев**, в особенности восточных, его заслуги были признаны и Штойбером, также не сидевшим сложа руки (хотя немецкое телевидение, естественно, больше освещало действия канцлера). По отношению к войне в Ираке Шрёдер занял отрицательную позицию. В отличие от агрессии НАТО против Югославии в 1999 г., производившейся без мандата ООН, теперь Германия была согласна участвовать в военной акции против Ирака только при наличии такого мандата. Вероятно, сказалось то, что большинство европейских стран (кроме Великобритании) также не поддержало США. Кроме того, по отношению к Ираку и его лидеру у большинства немцев нет явных антипатий (как и по отношению к сербам вообще и самому Милошевичу). Может быть, левые партии пытаются сейчас частично оправдаться перед избирателями за участие в бомбардировках Югославии. **Шрёдер выдвинул идею «особого немецкого пути»**, раскритикованную оппозицией. Однако и Штойбер, вначале безоговорочно выражавший солидарность с США, в конце августа стал говорить о «европейском пути» и требовать мандата ООН для подобной операции. Лишь консерваторы в рядах ХДС (такие, как Вольфганг Шойбле) продолжали выступать в поддержку возможной военной операции США. Очевидно, правые поняли, что открыто выступая за участие в новой войне, они могут оттолкнуть избирателей.

25 августа, впервые в истории ФРГ, прошли телевизионные дебаты между двумя кандидатами в канцлеры (от СДПГ и от ХДС/ХСС; председателю СвДП Мёллеманну было отказано в праве участия в дебатах, не помог и конституционный суд, посчитавший, что у СвДП нет реальных шансов на успех). Дебаты проходили довольно спокойно. Обсуждались жгучие темы – меры по борьбе с безработицей, грядущая война с Ираком, а также наводнение и его последствия. Позиции кандидатов по многим вопросам были близки. Согласно опросам телезрителей, **оба кандидата произвели примерно равное впечатление**. Второй тур дебатов состоялся 8 сентября. В нем Шрёдер еще более отрицательно высказался по поводу возможной войны с Ираком: «Без всяких «если» и «но», война и мир – это экзистенциальный вопрос, и здесь я говорю

¹ Этим указанием автор обязан госпоже С. Лецгус (г. Роттенбург)

решительное «нет»», исключив таким образом немецкое участие в войне даже при наличии мандата ООН. По мнению более чем половины телезрителей, **из второго тура дебатов канцлер вышел победителем.**

Современная Германия, хотя и является самой развитой европейской страной, имеет немало проблем (кроме высокого уровня безработицы, это и низкий уровень образования в некоторых землях, и проблемы с интеграцией выходцев из других стран). Поэтому Штойбер высказывался за пересмотр закона об иммиграции, в котором при Шрёдере были сделаны незначительные облегчения. Иммиграция, конечно же, будет продолжаться, но для ХДС/ХСС важнее интеграция уже приехавших иммигрантов (в том числе, выходцев из бывшего Союза и Турции). Тем самым Штойбер пытался привлечь и голоса крайне правых избирателей, считающих, что в Германии и так уже слишком много иностранцев, в особенности выходцев из Азии.

Даже в день выборов было сложно предсказать, кто на них победит. И правые, и левые имели примерно равные шансы на успех. Кроме того, было ясно, что в бундестаг войдут «зеленые», либералы (СвДП) и, вероятно, ПДС (последней приходилось бороться за 5 %). У других партий не было возможностей преодолеть этот барьер. Многие немцы считали, что кто бы ни победил, мало что изменится, а если и изменится, то к худшему. Эту пессимистическую позицию выражал, например, плакат молодых социалистов на митинге Штойбера в Мюнстере 30 июля:

Ob Stoiber, ob Schröder,
die Zukunft wird öder
(Штойбер ли, Шрёдер ли,
а будущее станет еще мрачнее).

Итоги выборов явились разочарованием прежде всего для ПДС. Она **не смогла преодолеть барьер** и получила лишь два места в бундестаге по второму, личному списку кандидатов, что не дает ей возможности создать фракцию. **Это свидетельствует о том, что политические взгляды большинства немцев** (в том числе и восточных) **стали более умеренными.** Однако о сходе ПДС с политической арены говорить пока рано, в Мекленбурге-Предпомерании она продолжает править в коалиции с социал-демократами.

Потерпели неудачу на выборах и свободные демократы. Вместо планируемых 18 % голосов они не получили и восьми. В качестве «козла отпущения» был примерно наказан Меллеманн, хотя причина неудачи – не только в нем одном. Предвыборное поведение председателя партии Вестервелле также не отличалось последовательностью и благоразумием.

Явными победителями на выборах стали «зеленые», что объясняется невероятной популярностью Йошки Фишера и антивоенными настроениями немцев. Именно благодаря успеху «зеленых», левой коалиции удалось получить в бундестаге на несколько мест больше, чем

правой (успехи самих социал-демократов оказались гораздо скромнее). Впрочем, ХДС/ХСС вовсе не считают себя побежденными, о чем свидетельствует их попытка обвинить Шрёдера в обмане избирателей в связи с введением новых налогов, чего он обещал не допустить перед выборами. **Вскоре после этого популярность Шрёдера упала до рекордно низкой отметки,** а в немецких хит-парадах первые места стала занимать песня-пародия «Kanzler sing(k)t» (в названии игра слов: «singt» поет и «sinkt» опускается). ХДС/ХСС надеется на скорые досрочные выборы и свой приход к власти в Берлине.

Насколько изменилась Германия после выборов? 2002 год уже явился важной вехой в истории Германии в связи с введением евро, которое привело к значительному подорожанию. Эта тенденция продолжается и сейчас (евро укрепляется по отношению к доллару, при этом цены растут, возрастают и налоги). Дефицит немецкого бюджета за 2002 год превысил допустимую в ЕС трехпроцентную отметку, рост ВВП составил лишь 0,2 %. Тем не менее, Германия остается крупнейшей развитой европейской страной, главным двигателем европейской интеграции: в 2002 году в ЕС были приглашены еще десять новых членов, в основном, страны Восточной Европы, региона, который Германия традиционно считает сферой своих интересов. **Произошло улучшение отношений с Францией,** которые при Шрёдере стали несколько более прохладными (ранее канцлер предпочитал английскую ориентацию, однако сейчас пути Великобритании и Германии вновь разошлись – в связи с введением евро и по иракскому вопросу). **Отношения с США** (и личные отношения Шрёдера и Буша) **несколько ухудшились в связи с отказом Германии участвовать в грядущей войне с Ираком.** Подлили масла в огонь и резкие предвыборные заявления некоторых немецких политиков (Буша даже сравнивали с Гитлером, что в современной Германии отнюдь не является комплиментом). Тем не менее, Германия остается важнейшим партнером США по НАТО, готова действовать в рамках своих обязательств и оказывать США различную помощь в случае начала новой войны в Персидском заливе, исключается лишь участие войск бундесвера в операциях на территории самого Ирака. **Важными для Германии остаются и отношения с Россией,** развиваются и германо-китайские отношения, о чем свидетельствует визит Шрёдера в Китай.

Объединенная Германия пытается занять более достойное место на мировой арене, в частности, получить место постоянного члена Совета безопасности ООН. **Будущее покажет, удастся ли Германии и ЕС в целом превратиться в новую мировую сверхдержаву с независимой политикой, или же «Соединенные Штаты Европы» станут европейским «придатком» Соединенных Штатов Америки.**

ПРИЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ

«Как бы ни был очевиден обман, он замечается не сразу, так как люди слишком крепко охвачены заблуждением. Только постепенно сами они выводят правильное заключение, потому что основание познания, также как и всякое основание, необходимо влечет за собою свое последствие и истина выходит наружу. (Так поступал Кант). Такими тропинками должна идти истина в этом мире».

Этой фразой из малоизвестного манускрипта Артура Шопенгауэра «Эристика, или Искусство спорить», не издававшегося в России с начала прошлого века, редакция открывает новую рубрику «Приемы политической борьбы», в которой будут публиковаться забытые или малоизвестные работы из этой области политической действительности.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Часто случается слышать мнение о совершенной бесполезности споров, что не мешает обыкновенно даже сторонникам этого мнения вступать в горячие споры хотя бы относительно самой этой бесполезности. Не спорят только тогда, когда не встречаются противоречия или не интересуются данным вопросом.

Если бы в споре всегда выяснялась истина и победа оставалась за правым, спор был бы нравственною обязанностью каждого добросовестного человека. В действительности это не так, и победа далеко не всегда обуславливается правотою защищаемого мнения; большею частью первую роль играет искусство и знание защитника. Но если нельзя всегда сказать в этом смысле: *du choc des opinions jaillit la vérité*¹, и в большинстве случаев, кто бы ни был прав, каждый остается при своем мнении, это не должно мешать нам признать несомненную пользу споров, веденных серьезно и добросовестно, пользу, состоящую в том, что спорящие неизбежно должны шире и разностороннее относиться к предмету, так что нередко открываются перед ними такие стороны вопроса, которые ускользнули бы от них, если бы каждый ограничился одиноким изучением вопроса.

Но для того, чтобы спор мог иметь положительное значение, необходимо, чтобы он велся сколько-нибудь правильно, с соблюдением основных логических требований, а не переходил в голословные утверждения и голословные отрицания, сопровождаемые нападками на личность противника; в последнем случае спор окажется не только бесплодным, но вредной тратой времени, возбуждающей лишь мелкие страсти спорящих.

Какое громадное значение имели логика и диалектика² в древнем мире, можно видеть из диалогов Платона и логических исследований Аристотеля.

Едва ли не еще большее значение получает изучение логики в течение средних веков, но здесь оно направляется почти исключительно на внешнюю, формальную сторону мышления. Скованная внешней формой, лишенная самостоятельного содержания, средневековая схоластика³ теряется в подробностях, не имеющих интереса для людей, стоящих вне ее заколдованного круга.

Отсюда понятна реакция против нее в новой философии, заставляющая Декарта выбросить за борт, как бесполезные, логические формулы, незыблемые со времен Аристотеля, чтобы заменить их несколькими простыми и общедоступными правилами. Однако уже Лейбниц жалуется на то, что пренебрежение к формальной логике идет слишком далеко и указывает на то, что многие споры не оставались бы столь бесплодными, если бы только противники дали себе труд обратить их в формальные аргументы.

Несмотря на это, логика как систематическое мышление и аргументация все более вытесняется так называемой «логикой фактов», которая гораздо доступнее и привлекательнее, так как почти всегда состоит лишь в более или менее искусном подборе фактов, из которых каждый выводит затем, что

² Диалектика (от греч. *Dialektike*) – первоначально этим термином («*Dialektike techne*» – «искусство диалектики») обозначалось искусство диалога и спора: 1) способность вести спор посредством вопросов и ответов; 2) искусство классификации понятий, разделение вещей на роды и виды. (Философский словарь.)

³ Схоластика – 1) общее название средневековой религиозно-идеалистической философии феодального общества; отличалась абстрактными и беспредметными рассуждениями и бесплодными логическими ухищрениями; 2) бесплодное умствование; формальное знание, оторванное от жизни и практики, начетничество. (Словарь иностранных слов.)

¹ В споре рождается истина (франц.).
(Здесь и далее – примечания редакции)

Артур Шопенгауэр

ЭРИСТИКА, или Искусство спорить

ему вздумается; а так как это же самое и с таким же правом может сделать его противник, то спор и сводится на такую почву, где доказать ничего невозможно и где каждый, если не может рассчитывать на победу, по крайней мере совершенно застрахован от поражения.

Только в одной сфере современной жизни сохранилось еще требование более или менее строгой логической формы, а именно – в суде. В сущности, каждый процесс есть *силлогизм*, в котором одна посылка дана законом, а другая должна содержаться в обстоятельствах дела. Задача суда – найти средний термин, который обуславливает необходимость заключения, т. е. приговора или решения.

К сожалению, условия и цель судебного красноречия вообще и в современном процессе в особенности превращают обыкновенно диалектику, необходимую для освещения истины, в *софистику*⁴, преследующую совершенно посторонние цели.

Но если отвлеченные диалектические тонкости, занимавшие древних греков, потеряли, по-видимому, всякий интерес в глазах современного общества – оно не перестает, однако, то и дело бессознательно пользоваться ими в спорах. Вот почему «Эристика» Шопенгауэра, представляющая в сжатой и относительно доступной форме некоторые из диалектических приемов, не лишена и для нашей публики интереса, несмотря на то, что, как сочинение посмертное⁵, она не вполне отделана, содержит в себе некоторые повторения и вообще не носит характера той художественной законченности, которыми отличаются другие труды Шопенгауэра. Но, как справедливо замечает Фрауэнштедт, «Эристика» имеет значение в том отношении, что она открывает сторону человеческой природы, хотя и не похвальную, но такую, которая играет, однако, немаловажную роль в духовном взаимодействии людей и которую надо знать, чтобы защищаться против нее. Всем тем, кого их призвание или общественное положение приводит в столкновение со стремлением людей казаться правыми во что бы то ни стало (*Rechthaberei*)⁶, полезно будет узнать те стереотипные хитрости и уловки, которыми пользуется это стремление, и средства для отражения их.

Манускрипт «Эристики», напечатанной впервые Фрауэнштедтом вскоре после смерти Шопенгауэра вместе с некоторыми другими статьями (*Aus Arthur Schopenhauer's handschriftlichem Nachlass. Leipzig, Brockhaus, 1864*⁷), по мнению издателя, относится к 1820 г. Позднее, когда Шопенгауэр вздумал пересмотреть эту работу, он уже не нашел нужного настроения, чтобы довести ее до конца.

Князь Д. Цертелев

⁴ Софистика – сознательное применение в споре или в доказательствах неправильных доводов, так называемых софизмов, т. е. всякого рода уловок, замаскированных внешней, формальной правильностью. (Философский словарь.)

⁵ Имеется в виду «сочинение, опубликованное посмертно».

⁶ уверенность в собственной правоте (нем.).

⁷ Из рукописного наследия Артура Шопенгауэра, Лейпциг, Брокгауз, 1864 (нем.).

Логика и диалектика употреблялись уже древними как синонимы, хотя *λογίζεσθαι* *обдумывать, обсуждать, рассчитывать* и *διαλέγεσθαι* *разговаривать* – вещи весьма различные.

Это употребление слов *логика* и *диалектика* как синонимов сохранилось и в течение средних веков и дошло до нашего времени. Однако в новые времена некоторые, особенно Кант, часто употребляли слово *диалектика* в дурном смысле, как «софистическое искусство спора», и потому предпочитали название *логика* как более невинное. Но оба, в сущности, означают одно и то же, и в последние годы их опять уже стали считать синонимами.

Жаль, что *диалектика* и *логика* издревле употреблялись как синонимы, и потому я не вполне свободен и не могу разделить, как хотелось бы, их значения и определить *логику* как «науку о законах мышления, т. е. способах действия разума» (от *λογίζεσθαι* – *обсуждать, обдумывать, рассчитывать*, происходящего в свою очередь от *λογος* – *разум* или *слово*, понятий, неразрывно связанных) и *диалектику* (употребляя это слово в современном смысле) как «искусство спорить или беседовать» (от *διαλέγεσθαι*). Но каждая беседа состоит в сообщении фактов или мнений, т. е. бывает историческою, или же представляет собой обсуждение чего-либо. Таким образом, очевидно, что логика имеет предмет, данный вполне, а priori⁸, безо всякой эмпирической примеси – законы мышления, способ действия разума – законы, которым разум следует, предоставленный самому себе, когда ему ничто не мешает, следовательно, при одиноком мышлении разумного существа, которое ничем не вводится в заблуждение. Диалектика, напротив того, рассматривала бы совместную деятельность двух разумных существ, которые думают вместе, а отсюда непременно следует *спор*, т. е. духовная борьба, если только они не согласны между собою, как выверенные часы. Как чистый разум, оба индивидуума должны бы быть согласны; их разногласие зависит от различий, присущих индивидуальности, а потому есть элемент эмпирический.

Логику, науку мышления, т. е. деятельности чистого разума, можно бы построить вполне а priori; диалектику же большею частью – только а posteriori⁹, из опытного познания тех изменений, которые претерпевает чистое мышление вследствие различия индивидуальностей при совместном мышлении двух разумных существ, а также

⁸ априорно, т. е. исходя из изначальных представлений (лат.).

⁹ апостериорно, т. е. исходя из чувственного опыта (лат.).

тех средств, которыми каждый из них пользуется, чтобы выставить свое индивидуальное мышление как чистое и объективное. Это потому, что человеку свойственно при совместном мышлении *διαλέγεσθαι*; т. е. как только он, при обмене мнениями (за исключением разговоров исторических), узнает, что мысли другого отличны от его собственных о том же предмете, он сначала не проверяет собственного мышления, чтобы найти в нем ошибку, а предполагает ее в мышлении другого, т. е. человек по природе своей хочет всегда быть правым; тому же, что вытекает из этого свойства, учит отрасль науки, которую я хотел бы назвать диалектикой, но которую, во избежание недоразумений, назову *эристической диалектикой*. Она, таким образом, есть учение о стремлении человека всегда казаться правым. «Эристика» была бы только более жестким названием того же предмета.

Эристическая диалектика есть искусство спорить, и спорить так, чтобы всегда оставаться правым, следовательно, *per fas et nefas*¹⁰. В существе дела объективно можно быть правым и все-таки в глазах присутствующих, а иногда и в своих собственных, остаться неправым: это бывает тогда, когда противник опровергает мое доказательство и это опровержение сходит за опровержение спорного положения, в пользу которого могут, однако, существовать другие доказательства; в таких случаях положение противника, разумеется, обратное: он оказывается правым, будучи объективно не прав. Итак, объективная *истина* спорного положения и *сила* его в глазах спорящих и слушающих – вещи различные; эристическая диалектика зиждется на последней.

Если бы не было зла в человеческой природе, если бы мы были вполне честны при всяком разноречии, мы стремились бы только к тому, чтобы обнаружить истину, не заботясь о том, окажется ли она на стороне мнения, выставленного первоначально нами самими или же нашим противником. Это было бы безразлично для нас или, по крайней мере, имело бы совершенно второстепенное значение. Теперь, наоборот, это главное. Врожденное тщеславие особенно чувствительно относительно всего, что касается сил рассудка, и не хочет допустить, чтобы то, что мы утверждали первоначально, было ошибочно, а то, что утверждал противник, – верно.

Ввиду этого каждому следовало бы только не судить иначе как правильно, а для этого – сначала думать, а потом говорить. Но к врожденному тщеславию у большинства присоединяется болтливость и врожденная недобросовестность. Они говорят, не подумавши, и хотя бы потом и заметили, что утверждение их ложно и что они неправы, – они хотят, чтобы казалось наоборот. Интерес к истине, который в большинстве случаев был единственным мотивом при выставлении положения, казавшегося истинным,

совершенно уступает место интересу тщеславия: истинное должно казаться ложным, а ложное – истинным.

Однако даже эта недобросовестность, упорное отстаивание положения, которое нам самим уже кажется ложным, имеет некоторое оправдание. А именно: в начале спора мы нередко бываем глубоко убеждены в истине нашего утверждения, но аргумент противника, по-видимому, совершенно опрокидывает его; если мы сразу откажемся от нашего утверждения, нам часто случается убедиться позднее, что мы все-таки были правы: доказательство наше было ошибочно, но для того же утверждения могло быть другое, более верное доказательство, спасающий аргумент не пришел нам в голову сразу. Таким образом в нас складывается правило спорить против возражений, хотя бы они казались нам правильными и убедительными, в той уверенности, что самая правильность их есть только кажущаяся и что в течение спора мы нападём еще на такой довод, который опровергнет ее, или на такой, который как-нибудь иначе установит истину нашего положения; благодаря этому мы если не вынуждены к некоторой недобросовестности в споре, то, по крайней мере, легко соблазняемся ею. Так взаимно поддерживают друг друга слабость нашего суждения и извращенность нашей воли. Отсюда происходит то, что спорящий обыкновенно сражается не за истину, а за свое положение как *pro ara et focus*¹¹, и ведет дело *per fas et nefas* и, как сказано, не легко может действовать иначе.

Итак, обыкновенно каждый пожелает провести свое утверждение, даже тогда, когда оно ему в данную минуту кажется ошибочным или сомнительным; Макиавелли советует государю пользоваться каждой минутой слабости своего соседа, чтобы напасть на него, так как в противном случае сосед может воспользоваться минутой его слабости. Если бы господствовали верность и искренность, было бы другое дело, но ввиду того, что на них нельзя рассчитывать, и самому нельзя руководствоваться ими, так как за них бывает плохая расплата; то же самое и со спором: пусть я признаю противника правым, как только он будет, по-видимому, прав, он едва ли сделает то же в обратном случае, а напротив, будет вести дело *per nefas*¹²: значит, и я должен делать то же.

Легко сказать, что надо стремиться только к истине, безо всякого пристрастия к своему положению; но нельзя предполагать, чтоб и другой сделал то же, а потому нельзя этого сделать самому. К тому же, если бы я захотел отказаться от моего положения, которое я, однако, прежде обдумал, как только мне показалось, что противник мой прав, то легко может случиться, что, введенный в ошибку впечатлением минуты, я откажусь от истины для

¹⁰ правдами и неправдами (лат.).

¹¹ за алтарь и домашние очаги (лат.).

¹² неправдами (лат.).

того, чтобы принять заблуждение.

Вспомогательные средства для проведения своего положения каждому дает в некоторой мере его собственная ловкость и негодность (*Schlechtigkeit*¹³). Этому научает ежедневный опыт, так что каждый имеет свою натуральную диалектику, так же как он имеет свою натуральную логику. Только первая далеко не так надежна, как вторая. Редко мыслят и заключают вопреки логическим законам; ошибочные суждения часты, ошибочные заключения чрезвычайно редки; поэтому в человеке редко проявляется недостаток в естественной логике, но ему часто не хватает естественной диалектики; это дар природы, неравномерно распределенный (в этом отношении диалектика похожа на силу суждения, которая распределена весьма неравно, тогда как разум, собственно говоря, распределен равномерно); часто случается, что кажущаяся аргументация сбивает и опровергает в существе правых, и наоборот: тот, кто выходит из спора победителем, обязан этим не столько правильности суждения при постановке положения, сколько искусству и ловкости, с которыми он защищал их. Врожденное здесь, как и везде, наилучшее. Однако упражнение и размышление над теми приемами, которые опровергают противника или которыми он пользуется для победы, может много помочь достижению мастерства в этом искусстве. Поэтому, хотя логика и не может иметь никакой чисто практической пользы, диалектика, конечно, иметь ее может. Мне кажется, что и Аристотель свою логику в собственном смысле (аналитику) выставил главным образом как основание и подготовку к диалектике, а последняя была для него главным. Логика занимается одной формой положений, диалектика же – содержанием, или материей; поэтому рассмотрение формы как общего должно было предшествовать рассмотрению содержания, или частного.

Аристотель определяет цель диалектики не так резко, как я; правда, он указывает на спор как на главную ее цель, но в то же время цель эту видит и в отыскании истины (Тор.1, 2). Затем он говорит: «следует рассматривать положения философски, согласно их истине, и диалектически, согласно видимости или одобрению и мнению других (δοξα)». (Тор.1, 12). Он, правда, сознает различие и независимость объективной истины положения от проведения его или получения одобрения, но недостаточно резко различает их, чтобы диалектике приписать исключительно последнее назначение.

Вот почему к его правилам, относящимся к последней, нередко примешиваются такие, которые имеют в виду первую. Поэтому мне кажется, что он не вполне разрешил свою задачу, стараясь в книге *De elenchis sophisticis*¹⁴

различить диалектику от софистики и эристики, причем различие должно состоять в том, что диалектические заключения верны по форме и по содержанию, а эристические или софистические – нет. (Последние различаются между собой только относительно цели: в эристических цель эта определяется одним желанием остаться правым, в софистических – стремлением добиться этим путем почета или денег). Истинны ли положения по содержанию – это всегда слишком недостоверно, чтобы можно было заимствовать отсюда основание для различия их; менее всего уверены могут быть в этом сами спорящие, и даже результат спора может дать об этом только сомнительное заключение. Поэтому под диалектикой Аристотеля мы должны разуметь также софистику, эристику и пирастику¹⁵ и определить ее как искусство оставаться правым в спорах. Конечно, главное пособие к тому состоит в том, чтобы быть действительно правым, но одного этого для людей еще недостаточно, а с другой стороны, при слабости их рассудка это не безусловно необходимо. Итак, нужны еще некоторые другие, искусственные приемы, которые, будучи независимы от объективной правды, могут употребляться и при объективной неправоте, о действительном существовании которой почти никогда нельзя судить с полной достоверностью.

Итак, мое мнение состоит в том, что логика и диалектика должны быть разграничены резче, чем это сделано Аристотелем, и логике предоставлена объективная истина, поскольку она формальна, а диалектика ограничена одержанием победы в спорах, причем софистику и эристику не надо отделять от нее, как это делает Аристотель, так как различие это основано на объективной материальной истине, относительно которой мы не можем быть заранее вполне уверены, а должны сказать с Понтием Пилатом: «что есть истина?», так как: *veritas est in puteo*¹⁶, *ἔν βύθφ ἡ ἀλήθεια* (изречение Демокрита, *Diog. Laert. IX, 72*). Нередко после оживленного спора каждый уходит домой, унося мнения противника – они поменялись. Легко сказать, что в спорах не должно иметь в виду ничего, кроме выяснения истины; но дело в том, что еще неизвестно, где она: аргументы противника и свои собственные вводят в заблуждение. Впрочем: *re intellecta, in verbis simus faciles*¹⁷; так как диалектика вообще признается обыкновенно равнозначущей с логикой, то мы, как уже сказано, назовем свою дисциплину «*Dialectica eristica*, Эристическая диалектика».

Продолжение в следующем номере.

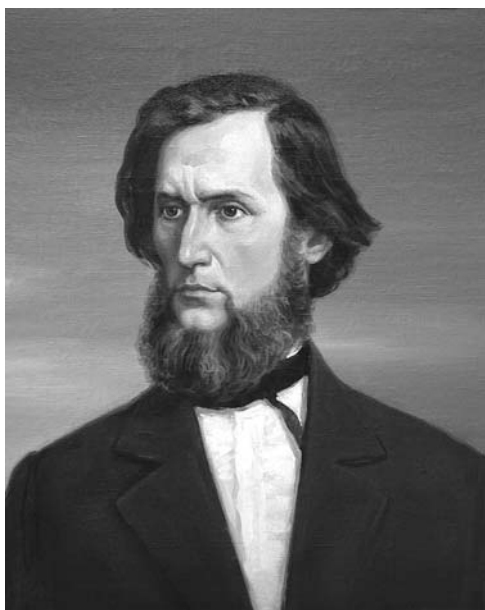
¹³ порочность (нем.).

¹⁴ О доказательствах софистов (лат.).

¹⁵ Пирастика (от греч. *peirastike* (*tehne*)) – «опытный» раздел диалектики, посвященный попыткам высказываний и их проверке.

¹⁶ истина – в глубинах (лат.).

¹⁷ когда дело понятно, будем легки в словах (лат.).

ВОСПИТАНИЕ ГРАЖДАНИНА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ К. Д. УШИНСКОГО

Константин Дмитриевич Ушинский

(19.02/02.03.1824, г. Тула – 22.12.1870/03.01.1871, г. Одесса).

Русский педагог-демократ, основоположник научной педагогики в России.

В 1844 г. окончил юридический факультет Московского университета.

В 1846 г. был приглашен в Ярославский Демидовский лицей на кафедру энциклопедии законоведения.

В 1850 г. поступил в Департамент иностранных исповеданий, под начальство графа Д. А. Толстого.

В 1855 г. становится преподавателем Гатчинского сиротского института, где вскоре переведен на должность инспектора.

С 1857 г. в «Журнале для Воспитания» выступает с педагогическими статьями.

В 1859 г. назначается инспектором Смольного института. Почти одновременно с деятельностью в институте Ушинский принял на себя редактирование «Журнала Министерства Народного Просвещения».

В 1868 – 1869 г.г. выходит в свет его грандиозный двухтомный труд «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии».

К сожалению, незаконченной осталась его работа, посвященная душевной жизни человека во всех его взаимосвязях, – «Педагогическая антропология».

Воспитание новых поколений представляет собой базовое стратегическое направление политики любого государства, задумывающегося о будущем. «Дело воспитания, – подчеркивает К. Д. Ушинский, – такое важное и такое святое, именно святое дело ... решительное и непоправимое. ... Здесь сеются семена благоденствия или несчастья миллионов соотечественников, здесь раскрывается завеса будущего нашей родины»¹. Именно на воспитании лежит «ответственность в общественной нравственности и степени умственного развития общества»².

Имя К. Д. Ушинского, великого русского педагога и психолога, по праву вписано золотыми буквами в историю отечественной и мировой науки. Материализованный в бессмертном труде «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии» **научный подвиг К. Д. Ушинского** является открытием педагогики как дисциплины онтологической, исходящей из познания «природы человека», и остается и сегодня, спустя почти полтора столетия, уникальным и непревзойденным³. Если педагогика хочет воспитывать человека во всех отношениях, то ей необходимо и узнать его также во всех отношениях. Определить средства, пригодные для воспитания, призваны все антропологические науки, изучающие «телесную или душевную природу человека». К таковым К. Д. Ушинский относит анатомию, физиологию, патологию человека, психо-

логию, логику, филологию, географию, статистику, политическую экономию, историю религии, цивилизаций, философских систем, литературы, искусств и собственно воспитания⁴.

В человеческой природе для воспитателя особенно важны два стремления: **стремление к цели и стремление к свободе. Лучший способ сделать человека глубоко несчастным – отнять у него цель в жизни и удовлетворять мгновенно все его желания.** «Цели жизни могут быть мелки, ничтожны, но если человек не замечает их ничтожности, не перерос их значения, то они для него серьезные цели: он преследует их и живет. Но отнимите у него эти цели, и если он потеряет надежду отыскать другие – то будет влачить свое существование, а не жить, или подымет на себя руку»⁵. При этом сама цель для человека значит более, чем ее достижение. «Наслаждение и

¹ Ушинский К. Д. Воспитание человека. Избранное. М.: Издат. дом «Карапуз», 2000, с. 123.

² Ушинский К. Д. Человек как предмет воспитания. СПб, 1912, т. 1, с. 18.

³ Заметим, что аналогичная попытка в психологии была предпринята уже в XX веке Б. Г. Ананьевым в созвучном труде «Человек как предмет познания».

⁴ Не эвристические методики и приемы должны ставиться во главу угла педагогической науки, поскольку их действенность сугубо индивидуальна. «Мы не говорим педагогам: поступайте так или иначе, но говорим им: изучайте законы тех психических явлений, которыми вы хотите управлять, и поступайте, соображаясь с теми

законами и теми обстоятельствами, в которых вы хотите их приложить. Можно ли при таком разнообразии обстоятельств воспитания и воспитываемых личностей предписывать какие-нибудь общие воспитательные рецепты?». Если воспитатель будет понимать законы человеческой природы, «то для него достаточно здравого рассудка, чтобы оценить ту или другую педагогическую меру, тот или другой педагогический прием». А потому и «заучивание всяких педагогических учебников» К. Д. Ушинский считал «не только бесполезно, но даже вредною тратой времени» (Ушинский К. Д. Человек как предмет воспитания. СПб, 1916, т. 2, с. 424).

⁵ Ушинский К. Д. Человек как предмет воспитания. СПб, 1916, т. 2, с. 397.

страдание, – пишет К. Д. Ушинский, – это цветы и тернии жизни, но не сама жизнь, жизнь же есть процесс деятельности, ... дело, выполнение которого значит для нас более самой жизни»⁶. Люди уважают даже властолюбие человека, приходящего во власть для реализации такого дела, хотя часто и восстают против него, и презируют властолюбие, вытекающее из стремления наслаждаться почетом и всеми атрибутами власти.

Отсутствие значимых и серьезных целей компенсируется у человека поиском перемены впечатлений, на котором спекулирует массовая культура. «Так как эти новые впечатления собственно ни на что не нужны такой душе, не имеющей собственных серьезных интересов, так как она не может привязать этих новых впечатлений к своей собственной работе, то она и стремится или скорее переменить их, или искусственно раздуть их силу. Этим объясняется страсть, замечаемая у людей, ничем серьезно не занятых, раздувать значение каждого нового явления, превозносить до небес новый посредственный талант, о котором завтра же забудут, выискивать скандалы всякого рода и раздувать их значение или даже и придумывать»⁷. Проявление данной страсти характеризует «пустое, скучающее» общество, не имеющее серьезной деятельности. Характер любимых общественных развлечений и степень склонности к ним общества – лучший индикатор общественного сознания.

Чувство стремления к свободе рождается как отрицание стеснения и не является исключительной принадлежностью человека. В этом врожденном стремлении К. Д. Ушинский видит ключ к пониманию динамики трудовой мотивации: когда нечто стесняет нашу деятельность, мы испытываем «тяжелое страдательное чувство», независимо от того, выполнилось или нет наше желание. **«Отнять у человека свободу значит лишить его возможности своей деятельности, а деятельность, ему навязанная, которую он выполняет против желания, есть уже для него не своя, а чужая, и человеку в таком положении остается или искать наслаждений, или обмануть деспота и подменить его деятельность своею»**. Вот психологический механизм, с помощью которого «деспотизм и тиранство так быстро превращают всех людей, входящих в сферу их действия, или в плутов, или в развратников, а чаще всего в развратных плутов, с неистовством выкидывая из окружающей сферы все, что не подходит под эту мерку»⁸.

При этом, что крайне важно, свобода не является, по Ушинскому, самоцелью, и должна быть жестко увязана с потребностями деятельности человека. **«Только та свобода полезна человеку, которая прямо выходит из потребностей излюбленной им деятельности. Французская чернь времен террора искала свободы, когда уже никто ее не теснил, искала затем, чтобы**

наслаждаться ею, и переходила из рук одного деспота в руки другого. Английский народ, этот деятельнейший из народов, не нуждался в наслаждениях свободой, а искал ее настолько, насколько сама деятельность его этого требовала, и чем более расширялась эта деятельность, тем более расширялась и свобода»⁹. Поэтому воспитание обязано пресечь пользование свободой, которая не является необходимой для деятельности. С одной стороны, от воспитателя требуется развивать в воспитанниках любовь к самостоятельному, излюбленному свободному труду, с другой – предупреждать развитие своеволия и деспотизма.

Среди факторов, составляющих «вторую природу» человека, исключительное значение К. Д. Ушинский придает народности, языку и религии. **Народность является, по Ушинскому, единственным источником жизни народа в истории.** Народность выдерживает «напор столетий и не истощается миллионами отдельных личностей... Как нет человека без самолюбия, так нет человека без любви к отечеству». Черты национальности коренятся в душе глубже всех прочих, примешиваясь почти ко всем нашим поступкам. «Поля родины, ее язык, ее предания и жизнь никогда не теряют непостижимой власти над сердцем человека»¹⁰. Ушинский был убежден, что **воспитание и обучение, не опирающиеся на народность, обречены. НЕЛЬЗЯ ЖИТЬ ПО ОБРАЗЦУ ДРУГОГО НАРОДА**, как бы он ни был привлекателен, так же **НЕЛЬЗЯ И ВОСПИТЫВАТЬСЯ ПО ЧУЖОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ**, «как бы ни была она стройна и хорошо обдуманна». Каждый народ в этом отношении должен «пытать собственные свои силы».

Народный язык является самым удивительным учителем. Усваивая родной язык, ребенок усваивает «бесконечное множество понятий, воззрений на предметы, множество мыслей, чувств, художественных образов, логику и философию языка», приобщаясь тем самым к духовной жизни народа. «В сокровищницу родного слова складывает одно поколение за другим плоды глубоких сердечных движений, верования, воззрения, следы прожитого горя и прожитой радости»¹¹. **Исчезновение языка влечет за собой историческую смерть народа.**

Наконец, воспитание немислимо, по Ушинскому, вне народной религии. «Кто не имеет религии и не чувствует ее потребности, тот должен не воспитывать детей, религии не учить»¹². Все религиозные системы К. Д. Ушинский рассматривал как «своеобразные курсы психологии». В религиозных системах формировался взгляд человека на мир душевных явлений, поэтому, не обращаясь к ним, мы не сможем объяснить себе общечеловеческой психологии, ее истин и ее заблуждений. Показательна при этом и та социальная роль, которую отводит К. Д. Ушинский церкви:

⁹ Ушинский К. Д. Проблемы педагогики. М.: Изд-во УРАО, 2002, с. 367.

¹⁰ Ушинский К. Д. Воспитание человека. Избранное. М.: Издат. дом «Карапуз», 2000, с. 49.

¹¹ Ушинский К. Д. Проблемы педагогики. М.: Изд-во УРАО, 2002, с. 227 – 228.

¹² Ушинский К. Д. Воспитание человека. Избранное. М.: Издат. дом «Карапуз», 2000, с. 56.

⁶ Ушинский К. Д. Человек как предмет воспитания. СПб, 1916, т. 2, с. 424.

⁷ Ушинский К. Д. Проблемы педагогики. М.: Изд-во УРАО, 2002, с. 415.

⁸ Там же, с. 365.

«Церковь должна быть прибежищем для чувств и верований человека, а не становиться на широкой дороге его мирских дел; пусть человек бежит к ней от мирского шума, но ей самой выходить на светский рынок не приходится, не объявляя претензии на подчинение разума, пусть она обращается только к сердцу человека, да и то не лезет к нему в глаза, а открывает дверь свою, когда он в нее стучится»¹³.

Но воспитание связано не только с выбором адекватных природе воспитанника средств. **Воспитание подразумевает определенные социальные и политические идеалы, задающие систему ценностных координат человека и гражданина,** определяющих направленность устремлений и целей его жизнедеятельности и характер отношений с окружающим миром. Обращением к таким фундаментальным вопросам, как влияние воспитательных идеалов на характер общественных отношений, источники формирования общественных убеждений, убеждения и деятельность государственных служащих, взаимосвязь народного воспитания, языка, религии и общественных убеждений, отмечен так и не оцененный до сего дня вклад К. Д. Ушинского в разработку проблем политической психологии.

Воспитание новых поколений представляет собой базовое стратегическое направление политики любого государства, задумывающегося о будущем. «Дело воспитания, – подчеркивает К. Д. Ушинский, – такое важное и такое святое, именно святое дело ... решительное и непоправимое. ... Здесь сеются семена благоденствия или несчастья миллионов соотечественников, здесь раскрывается завеса будущего нашей родины»¹⁴. **Именно на воспитании лежит «ответственность в общественной нравственности и степени умственного развития общества»**¹⁵. Воспитание и учение накладывают неизгладимый отпечаток на «идеи, чувства, нравственные и умственные стремления человека, его внутренние состояния»¹⁶, которые определяют «видимое состояние общества» и правят миром.

Учение неотделимо от воспитания и являет собой «главнейшее и действительнейшее средство иметь влияние на воспитанников»¹⁷. Оторванное от воспитательных целей **предметное обучение вызывает к жизни порочную практику разделения «ученья и дела».** В самом деле, «зачем зубрить историю, Аристидов, Сократов, Катонов, если только от природного благородства или неблагородства натуры нашей будет зависеть исполнение или неисполнение общественного долга? К чему учить историю, словесность, все множество наук, если это ученье не заставит нас полюбить идею и истину больше, чем деньги, карты и вино, и ставить духовные наслаждения выше телесных,

духовные достоинства выше случайных преимуществ?... Зачем вся эта трата времени для приобретения временных познаний, требуемых только на экзамене и ни к чему не годных в жизни?»¹⁸.

Насколько же осознают свое мессианское предназначение сами воспитатели? Какие цели ставят они перед собой в своей деятельности? Ответы, увы, поражают типичной бессодержательностью: «хотят сделать человека счастливее, лучше, совершеннее». Но «не у каждого ли человека, – задается вопросом К. Д. Ушинский, – свой собственный взгляд на человеческое совершенство, и что одному кажется совершенством, то не может ли казаться другому безумием, тупостью или даже пороком?»¹⁹. Плачевным итогом столь плюралистического понимания воспитательных идеалов становится порой **подмена воспитания «бессовестным шарлатанством, спекулирующим на нравственности и будущей судьбе детей».** Так, хорошо воспитанным человеком могут называть того, «кто умеет хорошо повязать галстук, держать себя по моде, болтать на иностранных языках, поддерживать разговор в гостинной, нравится дамам, ... кто умеет поклониться, где следует, поднять нос, где можно, задать тону, не пропускать того, что плывет в руки...»²⁰.

Модность подобных «педагогических» убеждений включает их в ранг убеждений общественных. Какими же идеалами и положительными общественными убеждениями нейтрализуется и корректируется их влияние со стороны литературы, живописи, театрального искусства? И здесь, проанализировав современные ему «галереи лишних людей», Ушинский приходит к малоутешительному выводу: «**во всей нашей новейшей литературе едва ли встречается два-три благородных характера, и те принадлежат к людям старого, отжившего поколения...** Самым талантливым писателям нашим не удалась ни одна попытка нарисовать благородный общественный характер, а если они и решались на такую попытку, то критика дружно нападала на нее, аплодируя исключительно только картинам плутовства всякого рода. Это исключительно отрицательное направление литературы в настоящее время достигло своего апогея, и наши модные журналы набиты до того грязными личностями, что, прочитав какую-нибудь повесть, действительно уже испытываешь то же чувство, какое должен испытывать человек, выходящий из тюрьмы»²¹. Вся литература набросилась обличать порок и неправду, но кто огласил сам нравственный кодекс?

Другое преступление, в котором обвиняет К. Д. Ушинский современных ему литераторов, – это **вакханалия над национальными чувствами русского человека.** «Нам смешно и жалко, больно и досадно слушать и читать, когда какой-нибудь

¹³ Ушинский К. Д. Воспитание человека. Избранное. М.: Издат. дом «Карапуз», 2000, с. 57.

¹⁴ Там же, с. 123.

¹⁵ Ушинский К. Д. Человек как предмет воспитания. СПб, 1912, т. 1, с. 18.

¹⁶ Там же, с. 7.

¹⁷ Ушинский К. Д. Проблемы педагогики. М.: Изд-во УРАО, 2002, с. 48.

¹⁸ Там же, с. 13. Отметим, что современная реформа образования проходит во многом под эпитафией вырванного из контекста последнего вопроса.

¹⁹ Ушинский К. Д. Человек как предмет воспитания. СПб, 1912, т. 1, с. 9.

²⁰ Ушинский К. Д. Проблемы педагогики. М.: Изд-во УРАО, 2002, с. 26.

²¹ Там же, с. 132.

литератор или наставник усиливается доказать, например, что французов в двенадцатом году побили морозы, что в истории нашей все достойно насмешки и презрения, или с наслаждением развенчивает Державина, Карамзина, Пушкина, Жуковского, Гоголя, показывая детям, какие это были мелочные, пошлые натуры, или доказывает с увлекательным жаром, что ни в нашем прошлом, ни в настоящем нет ничего такого, на чем могла бы остановиться юная душа с любовью и уважением». И это «нередко принимается у нас многими за признак высшего европейского образования. ... Нет, это не образование, а дикость, вандализм, потому что только варварам свойственно не иметь истории и разрушать драгоценнейшие ее памятники, истреблять все и не создавать ничего»²².

Выход из такого положения видится К. Д. Ушинскому в выработке срединного общественного убеждения, более или менее снисходительно примиряющегося с крайностями и примеряющего их к себе, создающего философскую опору общественной нравственности, поддерживаемую правительством, «положительными, но не отрицательными мерами», и дающего «исход естественному чувству любви к отчизне». Примирение правительства и подданных в такой идее общественного блага «необходимо, неизбежно для каждого великого общественного организма, если он только хочет жить, то есть развиваться, а не гнить и разлагаться»²³.

Достижение согласованного представления об общем благе является, по Ушинскому, необходимой предпосылкой для возможности осуществления власти со стороны правительства. Невозможно управлять обществом, основанным только на личном эгоизме его членов. «Здесь все враги, потому что решительный эгоист друг только самому себе и враг всему, что не он, хотя враг улыбающийся, кланяющийся, готовый, как кажется, броситься за вас в огонь и в воду». Это общество без высказанных общественных убеждений оказывается самым опасным для правительства. «Это именно болото, зеленеющее, гладкое, тихое, чуждое бурь, безопасное и даже заманчивое, но в котором, где ни поставишь ногу, везде провалишься и никогда не найдешь точку опоры».

И здесь К. Д. Ушинский блестяще описывает один из неизбежных парадоксов построенной на принуждении власти: «самое по-видимому покорное общество является на деле самым непокорным, парализующим государственную деятельность». Тем и опасны покорнейшие орудия воли, что «они делают своим покорнейшим другом того, кто думает повелевать ими. Даже в частной семейной жизни нередко случается видеть, как иной крутой, деспотический характер, не выносящий чужих убеждений, прогонит от себя жену и детей и сделается слугой самого негодного из слуг своих, но в государственной жизни это явление особенно

поразительно, и можно процарствовать неограниченнейшим образом по форме, а в сущности быть всю жизнь послушнейшим орудием толпы интриганов, которые потом сами же свалят все зло на своего благодетеля, хотя они-то именно и умели извращать все его намерения»²⁴.

Насколько же созрело российское общество для «высказанных общественных убеждений?». В письмах о воспитании наследника русского престола, написанных предположительно к императрице Марии Александровне, К. Д. Ушинский дает уникальную для политической психологии классификацию «лиц, принадлежащих к нашему образованному классу», по признаку сформированности их общественных убеждений. «За исключением весьма небольшого числа людей, общественные убеждения которых определились и высказались, – пишет К. Д. Ушинский, – мы видим в нашем обществе три сорта людей»²⁵.

Первый, самый многочисленный, самый деятельный, самый сильный, умножающийся год от года с поразительной быстротой класс составляют люди с сильными эгоистическими антиобщественными убеждениями. Главная характеристика их мировоззрения в том, что «у них окончательно утрачена самая вера в необходимость, возможность, в пользу каких бы то ни было общественных убеждений и даже способность к ним». Этот класс живет по принципу: «Хорошо то, что мне выгодно». «Всякое общественное бедствие, дурное ли управление, война ли, голод ли, мор ли – все является для них источником выгод». Исторические перспективы этого класса К. Д. Ушинский оценивал как весьма высокие: этот класс «будет прибывать все более и более, пока общество останется без высказанных и сильных убеждений, разделяемых или, по крайней мере, допускаемых правительством». Природа этого класса такова, что «они всегда оставят правительству всю форму, всю обстановку власти, но в сущности лишат его всякой силы»²⁶ и не позволят провести в жизнь ни одной благой меры. Готовые броситься на выполнение всякого желания правительства, каково бы это желание ни было, они не только не выполнят ни одного из них хорошо, но сумеют из всякого извлечь только собственную пользу, отбросив остальное.

Другой сорт людей русского образованного общества – «те личности, которые или по врожденному благородству своей природы, или по каким-нибудь случайным обстоятельствам не попали на торную, дозволенную, официальную дорогу эгоизма, но вместе с тем и не выработали никаких определенных убеждений. Они или, не получив логического образования, не сумели, или, по недостатку энергии духовной жизни, поленились, или, захваченные ранее житейскими тревогами, не успели, или, наконец, видя, к чему иногда доводят высказанные общественные убеждения, побоялись свести к одному результату те идеи, которыми и образование и окружающая их

²² Ушинский К. Д. Воспитание человека. Избранное. М.: Издат. дом «Карапуз», 2000, с. 34 – 35.

²³ Ушинский К. Д. Проблемы педагогики. М.: Изд-во УРАО, 2002, с. 140.

²⁴ Ушинский К. Д. Проблемы педагогики. М.: Изд-во УРАО, 2002, с. 136 – 137.

²⁵ Там же, с. 133.

²⁶ Там же, с. 134.

жизнь наполнили их ум». Эти люди могут много знать, многое передумать, многое почувствовать в различные моменты своей жизни, но их жизнь становится лишь отражением хаоса противоречащих друг другу идей. «Их мимолетные убеждения – игрушка всех случайностей жизни».

Наконец, **третий сорт** составляют «изредка блестящие, но эфемерные явления утопистов, которые, несмотря на противоречие окружающей их действительности, упорно остаются при своих убеждениях, составившихся под влиянием разнообразных случайностей... По неразвитию души своей являются или бессознательными эгоистами, как дети, или тоже настоящими детьми, готовыми подчиниться влиянию первой вздорной книжонки и первой блестящей, хотя в сущности эфемерной мысли, которая почему-нибудь на них подействует. И чем благороднее природа юноши, чем сильнее бьет в сердце его родник того великого чувства общности, ... тем легче он предается утопии... Молодая благородная душа, для которой официальный, торный путь дозволенного эгоизма невыносимо тесен, ищет себе пищи повсюду и, не находя в действительной жизни решительно ни одной мысли, ни одного выразительного благородного общественного стремления, к которому могла бы примкнуть со всем пылом молодости, отвлекается первой представившейся утопией, не имея достаточно ни характера, образованного воспитания, ни достаточной философской подготовки, чтобы открыть несостоятельность и даже иногда нравственное безобразие очаровавшей их идеи»²⁷. Так рождаются молодые коммунисты, социалисты, футуристы, сен-симонисты и прочие.

Приведенное разделение образованного класса, интеллигенции, на три сорта представляет собой, по Ушинскому, неизменное следствие лишённого единства убеждений и не решившегося ни на какое положительное направление воспитания. В отсутствие всякой общественной идеи, к которой человек бы мог привязаться, перед ним остаются «лишь две дороги: сделаться или эгоистом, или утопистом; то есть или обманывать правительство и грабить народ, или кинуться в первую попавшуюся утопию и при малейшей неосторожности погибнуть без пользы»²⁸.

Еще один значимый психолого-политический вопрос, затрагиваемый К. Д. Ушинским, касается проблемы источников **формирования убеждений**. На убеждение можно действовать только убеждением. Всякое насилие способно вызвать здесь прямо противоположный эффект. «Самую слабую и в сущности пустую идею можно усилить гонением. Особенно это верно там, где идея обращается к детям и юношам, не знающим еще жизненных расчетов». И уж совсем абсурдом выглядит директивное предписание педагогических обсуждений. «Как бы далеко ни запрятал воспитатель или наставник свои глубочайшие нравственные убеждения, но если только они в нем есть, то они

²⁷ Ушинский К. Д. Проблемы педагогики. М.: Изд-во УРАО, 2002, с. 135 – 136.

²⁸ Там же, с. 137.

выскажутся, может быть, невидимо для него самого, не только уже для начальства, в том влиянии, которое окажут на души детей, и будут действовать тем сильнее, чем скрытнее»²⁹. Здесь единственно верным средством является «откровенно высказываемое и откровенно принимаемое убеждение».

Другим источником формирования общественных убеждений является литература. «Историю создать нельзя: она создается сама собой; но не трудно видеть, что самостоятельная и деятельная педагогическая литература может во многом заменить историю и сделаться живым органом общественного мнения и воспитания»³⁰.

Перечитывая рассуждения К. Д. Ушинского об общественных убеждениях, сложно отказаться от проведения исторических параллелей, поражающих созвучностью педагогических проблем века девятнадцатого и двадцать первого и несозвучностью отношения к ним. Изменение ценностных ориентаций привело к тому, что явления педагогической жизни России, именовавшиеся К. Д. Ушинским пороком и общественными язвами, век двадцать первый представил как норму и должное. С высоты сегодняшнего дня российскому современнику идея **срединного общественного убеждения** представляется скорее рационалистической утопией, напоминающей общественные договоры французских просветителей. А какой преступной нивелировкой неповторимой индивидуальности, покушением на свободу совести и попыткой введения очередного идеологического диктата сочтет современник **идею формирования нравственного кодекса и воспитательных идеалов**, вводящих измерение в плоскость социального поведения и самовыражения. И уж совсем крамольным анахронизмом будет выглядеть в этом свете **идея общественного воспитания**, главными врагами которого К. Д. Ушинский считал «жажду денег, неверие в добро, отсутствие нравственных правил, презрение к мысли, любовь к окольным тропинкам, равнодушие к общественному благу»³¹.

В статьях советского периода, посвященных творчеству К. Д. Ушинского, в качестве главного фактора, противодействующего реализации его демократических идей в российском образовании, неизменно назывались «реакционные силы царизма». Насколько востребованными оказались они в реформах современного российского образования – судить читателю.

Нам же остается, вслед за отцом русской педагогики, повторить великие слова о том, «что великое искусство воспитания едва только начинается, что мы стоим еще в преддверии этого искусства и не вошли в самый храм его, и что до сих пор люди не обратили на воспитание того внимания, какого оно заслуживает»³².

А. В. Забарин,
руководитель лаборатории психофизиологии
Санкт-Петербургской Акемологической академии.

²⁹ Ушинский К. Д. Человек как предмет воспитания. СПб, 1912, т. 1, с. 9 – 10.

³⁰ Ушинский К. Д. Проблемы педагогики. М.: Изд-во УРАО, 2002, с. 31.

³¹ Там же, с. 18.

³² Ушинский К. Д. Человек как предмет воспитания. СПб, 1912, т. 1, с. 12 – 13.

